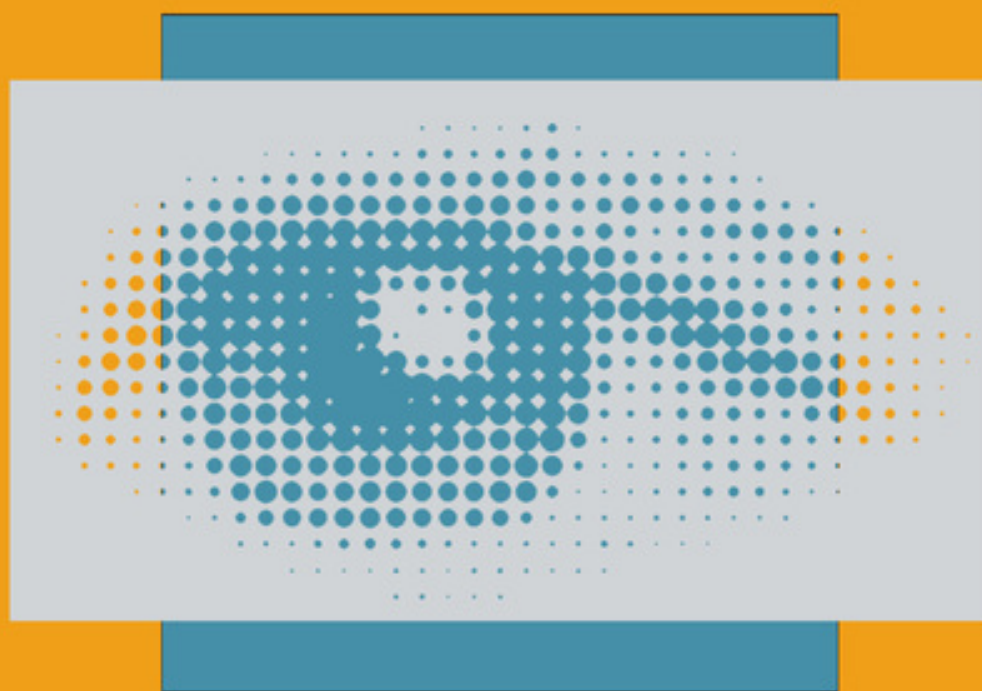

Лучшее, что сделал Гибсон со времен «Нейроманта».
Нил Гейман

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Распознавание образов

Издательство "Азбука"

18+

Трилогия Синего муравья

Уильям Гибсон

Распознавание образов

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гибсон У. Ф.

Распознавание образов / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Трилогия Синего муравья)

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“», начатая романом «Распознавание образов». Кейс Поллард – своего рода рыночный эксперт, она зарабатывает на жизнь, консультируя рекламные и маркетинговые агентства. Ее услугами пользуются ведущие игроки рынка: Поллард обладает уникальным чутьем на дизайн торговых марок и знаков. Об обратной стороне ее способностей знают только родственники и личный психиатр. Кейс страдает от уникального расстройства психики: навязчивая торговая символика и реклама вызывают у нее приступы страха. Но главный смысл жизни Кейс заключается в обсуждении фрагментов кинофильма, которые анонимный автор регулярно выгружает в Сеть на всеобщее обозрение. Дело принимает неожиданный оборот, когда Кейс получает задание найти автора фрагментов, вокруг которых успел сложиться настоящий культ... Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гибсон У. Ф., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

1	8
2	12
3	17
4	22
5	29
6	33
7	42
8	50
9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Уильям Гибсон

Распознавание образов

Посвящается Дэйску

William Gibson
PATTERN RECOGNITION
Copyright © 2003 by William Gibson

© Н. Красников, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

На небосводе популярной культуры информационного века Уильям Гибсон – ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

Сюжет «Распознавания образов» и его продолжений разворачивается в году, предшествующем году публикации. Это книги о гипотетически возможном недавнем прошлом, а не о гипотетически возможном будущем. Они пропитаны духом фантастики, но это не совсем фантастика. Я сделал это намеренно и осознанно.

К сожалению, предсказательная сила фантастики традиционно занимает важное место в маркетинге. «Слушайте ее, она знает будущее!» – старая как мир песня балаганного зазывалы. Суть фантастики не в этом. Фантастика дает прекрасный набор инструментов для того, чтобы разобрать и исследовать непостижимое и постоянно меняющееся настоящее, в котором мы живем и которое бывает довольно неудобным. Вот как я вижу свою работу.

Уильям Гибсон

(в интервью журналу Wired)

Киберпанк мертв, а мы еще нет. Этот роман одного из отцов-основателей киберпанка Уильяма Гибсона явно тяготеет к мейнстриму. Его действие происходит в наши дни, а фантастические элементы практически отсутствуют. Усложнение и информационная перенасыщенность современности сместились из плоскости компьютеров и информационных технологий в сферу маркетинга и торговых марок.

Токио и японцы, знающие, из какого сора растет культура, и сделавшие объектом культа слепок с культуры победивших их некогда американцев... Москва и русские, давно и всерьез разобравшиеся с брендами, рекламой и прочим наследием поколения «П» в едком романе Виктора Пелевина... Выбор мест действия, подчеркнуто удаленных от Америки, указывает на новые точки скопления Силы...

Жизненное пространство современной культуры оккупировано бизнесом. И гипертрофированно реалистический роман Гибсона

предсказывает наше будущее лучше (и точнее) многих фантастических бестселлеров.

Сергей Шикарев

(Если)

Эта книга во многом знаковая для автора. Действие происходит в нашем непосредственном настоящем, все описанные технологии – привычные составляющие нашей повседневной жизни. «Распознавание образов» – широкий шаг в направлении мейнстрима. Здесь нет игры с технологиями: Гибсон жонглирует современными рыночными символами, «брендами», которые навязывают нам СМИ и массовая культура. Товарные знаки и логотипы двигают людьми и финансовыми потоками. Информация – это власть, и тот, кто найдет новый способ ее создания и распространения, тот и установит новый миропорядок.

Новый Гибсон отошел от киберпанка, но не потерял себя. Книга написана все тем же тонким и узнаваемым гибсоновским стилем, в романе стало больше философской глубины.

Мир фантастики

1

Ночной веб-сайт

Пять часов разницы с Нью-Йорком. Кейс Поллард просыпается в Кэмден-тауне, в волчьем хороводе сорванных циркадных ритмов.

Безликий выхолощенный час качается на лимбических волнах. Мозговой ствол ворохается, вспыхивает неуместными земноводными желаниями: сонливость, голод, вожделение сплетаются, сменяют друг друга, и ни одно нельзя утолить.

Даже голод; новенькая кухня Дэмиена начисто лишена съедобного содержимого. Словно демонстрационный стенд в кэмденском магазине современной мебели. Все очень стильно: верхние шкафчики покрыты желто-лимонным пластиком, нижние – яблоневым шпоном. Везде пустота и стерильность, не считая коробки с двумя шайбами хлопьев «Витабикс» и нескольких пакетиков травяного чая. Новый немецкий холодильник тоже пуст, там живут лишь запахи холода и пластиковых мономеров.

Слушая плеск белого шума под названием Лондон, Кейс думает, что Дэмиен прав со своей теорией дальних перелетов. Ее душа еще летит над океаном, торопится среди туч, цепляясь за призрачную пуповину реактивного следа. У душ есть ограничение по скорости, они отстают от самолетов и прибывают с задержкой, как потерявшийся багаж.

Похоже, что с возрастом безликий час углубляется, выхолащивается еще сильнее, а спектр его проявлений становится шире и одновременно скучнее.

Полубесчувственный полусон в полутьме Дэмиеновой спальни, под тяжелым серебристым покрывалом, на ощупь напоминающим рукавицу для духовки. Изготовители, наверное, не предполагали, что кому-то придет в голову под ним спать. Но у Кейс уже не было сил, чтобы искать настоящее одеяло. Роскошная шелковистая простыня, изолирующая тело от этого синтетического покрывальника, еле уловимо пахнет Дэмиеном. Кейс приятно: в безликий час радуется любая форма физического контакта с собратом-млекопитающим.

Дэмиен просто друг.

Он говорит, их разъемы «папа-мама» не совпадают.

Дэмиену уже тридцать лет, он всего на два года моложе Кейс. Но в его душе до сих пор остался генератор ребячества, излучающий волны стеснительного упрямства, которые отпугивают людей с деньгами. Кейс и Дэмиен – безупречные профессионалы: оба отлично знают свое дело и не имеют понятия, откуда возникает это знание.

Наберите в «Гугле» имя Дэмиена, и выскочит: «режиссер музыкальных и рекламных клипов». Наберите Кейс Поллард – выскочит «стиль-разведчик», а если копнуть поглубже, то обнаружатся туманные ссылки на «особое чутье», позволяющее играть роль лозоходца в пустыне глобального маркетинга.

На самом деле, говорит Дэмиен, это больше напоминает аллергию. Тяжелая, временами даже буйная реакция на рыночную семиотику.

Дэмиен сейчас в России: скрывается от ремонта и заодно снимает документальный фильм. Едва уловимое ощущение обжитости его квартиры – заслуга иногда ночующей здесь ассистентки режиссера.

Кейс перекачивается на кровати, обрывая бессмысленную пародию на сон. Ощупью находит сброшенную одежду. Мальчиковая черная футболка *Fruit Of The Loom*, севшая до нужного размера; тонкий серый свитерок с треугольным вырезом, один из полудюжины купленных в Новой Англии, на оптовом складе школьной одежды; мешковатые черные джинсы *Levi's 501*, с которых тщательно срезаны все лейблы и даже сбита чеканка с металлических пуговиц – неделю назад маленьким и весьма удивленным корейским мастером в Гринвич-виллидж.

Выключатель итальянского торшера. Странный на ощупь, с непривычным щелчком – сконструированный, чтобы выдержать нестандартное заморское напряжение.

Кейс потягивается, надевает джинсы, вздрагивает от холода.

Зазеркалье. Все вилки на бытовых приборах большие, трезубые, заточенные под особую породу электричества, обитающего в Америке лишь в цепях электрических стульев. Руль у машин справа. Телефонные трубки тяжелее и сбалансированы иначе. Обложки бульварных романов напоминают австралийские банкноты.

От яркого галогенного света сужаются зрачки; щурясь, Кейс оглядывается на зеркало, притулившееся у стены в ожидании повешения. Оттуда на нее смотрит черноногая заспанная кукла с волосами торчком, как на ершике для унитаза. Кейс корчит рожу, вспоминая почему-то старого друга, который постоянно сравнивал ее с фотопортретом обнаженной Джейн Биркин работы Хельмута Ньютона.

На кухне она наполняет итальянский чайник водой из немецкого фильтра. Разбирается с выключателями на чайнике и на розетке. Ожидая, пока закипит вода, задумчиво разглядывает лимонные плоскости настенных шкафов. Пакетик калифорнийского травяного чая падает в чашку. Журчит кипяток.

В гостиной обнаруживается, что Дэмиен оставил свой верный «Кубик» включенным. Компьютер спит, помигивая огоньками. В этом противоречивое отношение Дэмиена к дизайну: он на пушечный выстрел не подпустит к себе декораторов, пока те не поклянутся, что не будут ничего декорировать, – и в то же время обожает свой «Макинтош» лишь за то, что его можно перевернуть и вынуть изнутри, потянув за волшебную серебряную ручку. Так же как половые органы у механических девочек из его клипа, думает Кейс.

Усевшись в высокое кресло, она щелкает прозрачной мышкой. Красная подсветка ползет по бледной поверхности деревянного стола. Открывается браузер. Она пишет в адресной строке. Фетиш: Фрагменты: Форум. Дэмиен, помешанный на чистоте настроек, отказывается ставить на него закладку.

Загружается главная страница, где все знакомо, как в гостиной старого друга. На заднем плане стоп-кадр из фрагмента номер 48, тусклый и практически обесцвеченный, так что фигур не разглядеть. Принято считать, что этот фрагмент как-то перекликается с Тарковским. Фильмы Тарковского Кейс знает лишь по фотографиям, хотя однажды все же пошла на «Сталкера», где невзначай уснула во время одной из бесконечно затянутых панорам – крупного плана лужи на разбитом мозаичном полу. Нет, она не из тех, кто постоянно ищет в почерке автора следы влияния классиков. Но есть люди, которые считают по-другому. Культ фрагментов распадается на подкульти, объединенные вокруг известных имен. Трюффо, Пекинпа...¹ Поклонники Пекинпы еще только собираются с силами.

Она заходит на форум, пробегает заголовки постов в новых разделах, высматривая имена друзей, врагов, вообще что-нибудь новенькое. Впрочем, уже ясно: новых фрагментов не появилось. Последней по-прежнему остается пляжная панорамка. По одной из теорий, она снята зимой в Каннах, но Кейс с этой теорией не согласна. Французским фрагментщикам так и не удалось отыскать похожий пейзаж, несмотря на бесконечные часы, проведенные с камерой на каннских пляжах.

Она замечает, что ее друг Капюшончик, ездивший в отпуск в Калифорнию, уже вернулся в Чикаго. Открыв его пост, она обнаруживает там лишь одно слово: «Привет».

Кейс жмет на ответ, называет себя КейсП.

Привет, Капюшончик. (-)

¹ Франсуа Трюффо (1932–1984) – французский режиссер, представитель «новой волны»; Сэм Пекинпа (1925–1984) – американский режиссер, радикально переосмысливший жанр вестерна. (Здесь и далее примеч. перев.)

Возвратившись на форум, она с удовлетворением отмечает, что ее пост добавился к списку.

Лишь так можно почувствовать себя дома, хотя бы отчасти. Этот форум стал островком стабильности в ее кочевой жизни. Как привычная кофейня, существующая вне географии и часовых поясов.

На Ф: Ф:Ф примерно двадцать постоянных членов, не считая массы случайных посетителей. Кейс видит, что в чате висят трое. Но нужно зайти, чтобы узнать, кто именно. А в чате она никогда не чувствует себя комфортно, даже с друзьями. Это все равно что общаться, сидя в разных углах темного подвала. Ее раздражают краткость реплик, рваный темп разговора и ощущение, что каждый тараторит о своем.

«Кубик» вздыхает и тихонько жужжит диском, словно винтажный гоночный автомобиль, сбросивший передачу на далеком шоссе. Кейс поднимает чашку, пробует отхлебнуть так называемый чай: все еще слишком горячо. Комната постепенно наливается мутным утренним светом. Из мрака выступают элементы Дэмиенианы, пережившие недавний ремонт.

Два полуразобранного робота у стены – только торсы и головы, очертаниями напоминающие эльфов; точь-в-точь манекены для испытаний машин на удар. Реквизит для одного из видеоклипов Дэмиена. Почему их вид действует так успокаивающе? Очевидно, потому, что они объективно прекрасны, думает она. Женские лица светятся оптимизмом. Ни намек на научно-фантастический китч – Дэмиен этого не терпит. Призрачные порождения предрассветного полумрака с маленькими пластмассовыми грудями, отсвечивающими, словно старый мрамор. Не обошлось и без фетишизма: Кейс знает, что куклы изготовлены по формам, снятым с тела его подружки номер два, считая с конца.

Hotmail скачивает четыре новых письма; ни одно из них читать не хочется. Письмо от матери плюс три спама. «Удлини свой член» продолжает ее преследовать. В двух экземплярах. Да еще в компании с «Радикально увеличь размер груди».

Удалить спам. Отпить так называемый чай. Следить, как утренние сумерки превращаются в день.

В конце концов она добирается до свежееотделанной ванной Дэмиена. В такой ванной хорошо мыться перед посещением стерильного космического зонда. Или после расчистки чернобыльских развалин. Не хватает только советских техников в резиновых передниках, которые помогли бы снять освинцованный скафандр, а потом потерли спинку жесткими щетками на длинных рукоятках. Краны в душевой устроены с хитрым расчетом: ими можно управлять при помощи локтей. Очевидно, чтобы не испачкать только что вымытые руки.

Она стягивает свитер с футболкой и по-простому, пользуясь руками, а не локтями, включает душ и регулирует температуру воды.

* * *

Четыре часа спустя она уже на тренажере в студии пилатеса, в фешенебельном переулке под названием Нилз-Ярд. Машина с шофером, предоставленная «Синим муравьем», ожидает за углом. Тренажер – длинная, приземистая и в чем-то зловещая, веймарского вида штука, напшигованная пружинами. Кейс отрабатывает позицию «клин», положив ноги на специальную подпорку. Платформа, на которой она лежит, катается взад-вперед по металлическим рельсам. Позвякивают амортизаторы. Десять подходов, а потом еще десять на носках и десять на пятках... В Нью-Йорке она тренируется в спортклубе, где всегда полно профессиональных танцоров. Но в Нилз-Ярде в этот час никого нет. Судя по всему, студия открылась недавно. К такому виду фитнеса здесь еще не привыкли. В этом зазеркалье, думает Кейс, популярны другие стимуляторы, более старомодные. Люди курят и пьют так, словно это полезно для здоровья, а с кокаином у них вообще затянувшийся медовый месяц. Она где-то читала,

что здешние цены на героин упали до рекордной отметки, потому что рынок перенасыщен демпинговым афганским опиумом.

Закончив с носками, она переходит к пяткам, выгибая шею, чтобы убедиться, что ноги стоят правильно. Ей нравится пилатес: в отличие от йоги медитация здесь неуместна. Нужно следить за тем, что делаешь, и держать глаза открытыми.

Сосредоточенность – единственное, чем можно скомпенсировать нервное возбуждение перед новым заданием. Такого она уже давно не испытывала.

Кейс находится здесь по вызову агентства «Синий муравей». Штат у агентства относительно небольшой, филиалы разбросаны по всему миру, образуя структуру скорее постгеографическую, чем транснациональную. В мире неповоротливых рекламных мастодонтов «Синий муравей» с самого начала занял экологическую нишу небольшого проворного хищника. Новая неуглеродная форма жизни, целиком выпрыгнувшая из-под иронично выгнутой брови своего основателя, Губерта Бигенда, бельгийца по паспорту, который похож на Тома Круза, откормленного шоколадными трюфелями и кровью девственниц.

Кейс нравится в Бигенде только одна черта: он ведет себя так, словно и не подозревает, насколько дурацкая у него фамилия.² Если бы не эта деталь, с ним вообще невозможно было бы общаться.

Но это личная эмоция; ровно в час ее надо отключить.

Продолжая отрабатывать пятки, Кейс смотрит на свои часы – корейский клон классических *Casio G-Shock*, с пластикового корпуса которых японским надфилем сточено фирменное клеймо. Через пятьдесят минут ей надо быть в «Синем муравье».

Она кладет на ножную подставку два зеленых пенопластовых щитка, поднимается на носки, воображая, что стоит на шпильках, и приступает к положенным десяти взмахам.

² *Бигенд* (если читать как английскую фамилию) звучит как *big end*. Вызывает ассоциации с неким толстым концом (напр., бревна).

2

Стерва

ПК для деловой встречи отражается в витринах бутиков Сохо: свежая черная футболка *Fruit Of The Loom*, черная нейлоновая куртка «Баз Риксон», безымянная черная юбка, найденная на барахолке в Талсе, черные гетры, в которых она ходила на пилатес, и черные школьные туфли *Narajuku*. Вместо дамской сумочки – черная дерматиновая папка производства Восточной Германии, бывшая собственность какого-нибудь чиновника «Штази», купленная на *eBay*.

Кейс ловит бледное отражение своих серых глаз в стеклах витрин, на фоне бесконечных рядов сорочек *Ben Sherman*, фиштейл-парок, запонок, напоминающих эмблемы на крыльях британских истребителей «Спитфайр».

ПК – это прикиды Кейс. Так Дэмиен называет ее одежду. ПК могут быть только черными, белыми или серыми и должны выглядеть так, будто появились на свет сами, без участия человека.

То, что люди принимают за минимализм, – это аллергия, развившаяся в результате слишком долгого и тесного контакта с реакторной зоной генераторов современной моды. Перед тем как надеть новую вещь, Кейс безжалостно спарывает все этикетки. Стиль ее одежды невозможно датировать точнее, чем в интервале между 1945-м и 2000-м. Она остается единственным представителем собственной школы аскетизма, несмотря на постоянную опасность превратиться в родоначальницу новомодного течения.

Вокруг бурлит утренний Сохо, постепенно нагреваясь до полуденной отметки, когда корпоративная орда хлынет через край и затопит окрестные бары и рестораны, пустующие в ожидании пятничного наплыва. После переговоров Кейс тоже приглашена на обязательный обед – в ресторан под названием «Узкоглазые не серфингуют».³ Но она уже предчувствует другой серфинг: временная разница утягивает ее в унылое болото серотонинового голодания, где серфингуют перелетные оболочки, поджидая свои заплутавшие души.

Кейс смотрит на часы и ускоряет шаг, направляясь к зданию, из которого «Синий муравей» недавно выкурил другое, более консервативное агентство.

Над головой сверкает ослепительное небо, исчерканное самолетными следами. Нажимая кнопку звонка, Кейс жалеет, что не взяла темные очки.

* * *

Она сидит напротив Бернарда Стоунстрита, с которым имела дело еще в Нью-Йорке. Бледное лицо Бернарда покрыто неизменными веснушками, морковно-рыжий чуб зачесан наверх в духе Обри Бердслея с небрежностью, доступной лишь в дорогих салонах. На нем черный костюм от Пола Смита, пиджак модели 118, брюки модели 11-Т. В Лондоне Стоунстрит придерживается особого стиля: вся одежда выглядит так, словно ее вчера впервые надели, а потом прямо в ней завалились спать, причем каждая вещь не дешевле тысячи фунтов. В Нью-Йорке он предпочитает другой имидж – этакого чистюли, чей костюм до мелочей проработан командой первоклассных стилистов. Два мира, две разные шкалы культурных ценностей.

Слева от Бернарда сидит Доротея Бенедитти, угрожающе зализанная, застегнутая и затянутая в пучок на деловой манер. Эта женщина, с которой Кейс встречалась в Нью-Йорке лишь мельком, занимает высокое кресло в отделе графического дизайна фирмы «Хайнци и Пфафф». Сегодня утром она прилетела из Франкфурта с проектом новой эмблемы кроссовок. Проект

³ Цитата из фильма Копполы «Апокалипсис сегодня».

разработан по заказу одного из крупнейших в мире производителей спортивной обуви. Бигенд убежден, что этому сегменту рынка необходимо радикально обновить лицо. Правда, непонятно каким образом. Продажи кроссовок падают, но и кеды, которые их вытесняют, пока не очень популярны. У Кейс есть свои соображения на этот счет. Она заметила, что на улицах появляются признаки спонтанного зарождения моды на обувь в духе «городской сурвивализм». Эта юная мода переживает пока стадию потребительского переосмысления, но за ней неизбежно последуют стадии коммерциализации и глобальной стилизации.

Эмблема должна обеспечить прорыв «Синего муравья» в новую эру. Поэтому Кейс, с ее уникальной рыночной аллергией, попросили прилететь в Лондон и сделать то, что умеет делать только она.

Просьба кажется Кейс немного странной или, по крайней мере, несвоевременной. Ей уже давно не приходилось покидать Нью-Йорк по такого рода контрактам. Почему бы не провести телеконференцию? Может, ставки настолько высоки, что вступают в силу соображения безопасности?

Да, похоже, что так. Во всяком случае, Доротея настроена весьма серьезно. Она серьезна, как раковая опухоль. Перед ней, на тщательно выверенном расстоянии от края стола, лежит элегантный серый конверт, украшенный строго-причудливым знаком «Хайнц и Пфафф» и запечатанный на претенциозно-старомодный манер – веревочкой, обвитой вокруг двух картонных кружочков.

Кейс отрывает взгляд от конверта и осматривает обстановку. Деревянные сводчатые перекрытия наводят на мысль о банкетном зале в первом классе трансатлантического дирижабля. Можно представить, во сколько обошелся такой дизайн в середине девяностых. На бледной облицовке одного из перекрытий видны следы от шурупов, – очевидно, там висел фирменный знак предыдущих хозяев. «Синий муравей» собирается все переделать на свой лад. Кое-где уже заметны следы надвигающегося ремонта: стремянка у стены прямо под вентиляционной решеткой; рулоны нового паласа, сложенные в углу, как синтетические бревна из полиэфирного леса.

Кейс слегка улыбается: сегодня Доротея, похоже, решила посоревноваться с ней в аскетизме. Если так, попытка не удалась. Черное платье этой дамы, с виду очень простое, содержит по крайней мере три разных намека, каждый из которых закодирован на своем собственном языке. Кейс замечает острый взгляд, пущенный Доротеей в сторону висящего на стуле «Баз Риксона».

Этот «Баз Риксон» – уникальный, практически музейный экспонат, реплика легендарной куртки МА-1, которую американские летчики носили во время Второй мировой войны. Апофеоз практичного минимализма. Тихая зависть Доротеи поистине мучительна: она ведь не может не понимать, что японцы, работавшие над дизайном «Баз Риксона», руководствовались соображениями, весьма далекими от моды.

Например, кривые сморщенные швы на рукавах. Подобные швы получались на промышленных швейных машинах довоенного образца, не приспособленных для работы с такой скользкой штукой, как нейлон. Дизайнеры «Баз Риксона» слегка преувеличили этот недостаток наряду с некоторыми другими мелочами, чтобы подчеркнуть восторженное уважение к своей истории, и в результате получилась имитация, которая выглядит правдоподобнее оригинала. В гардеробе Кейс это, безусловно, самая дорогая вещь, утрата которой была бы практически невозможной.

– Не возражаете? – Стоунстрит достает пачку сигарет *Silk Cut*, которые у некурящей Кейс ассоциируются с британским аналогом японских *Mild Seven*. Два типа сигарет, два типа творческих личностей.

– Да, курите.

Кейс только сейчас замечает на столе маленькую белую пепельницу. В контексте деловой Америки этот аксессуар давно уже сделался анахронизмом, подобно плоским серебряным ложечкам для абсента. (Она слышала, что здесь, в Лондоне, такие ложечки еще можно кое-где увидеть, хотя и не на деловых встречах.)

Стоунстрит протягивает пачку Доротея:

– Сигарету?

Та отказывается. Стоунстрит ввинчивает фильтр в узкую щель между нервными губами; в руке у него появляется коробка спичек – судя по всему, добытая вчера в ресторане, на вид не менее дорогая, чем серый конверт на столе. Он закуривает и говорит:

– Извините, что пришлось тащить вас через океан...

Обгоревшая спичка с легким керамическим звоном падает в пепельницу.

– Это моя работа, Бернард.

– Что-то неважно выглядите, – замечает Доротея. – Долетели нормально?

– Пять часов разницы. – Кейс улыбается одними губами.

– А кстати, вы не пробовали новозеландские таблетки? – спрашивает Стоунстрит.

Кейс вспоминает, что его американская жена, в прошлом инженер одного из неудачных клонов сериала «Секретные материалы», недавно открыла новую линию по производству гомеопатической косметики.

– Жак Кусто считает, что временная разница лучше любого наркотика, – отвечает она.

– Ну-с. – Доротея многозначительно смотрит на серый конверт.

Стоунстрит выпускает струйку дыма.

– Ну что же. Думаю, можно начинать?

Они оба смотрят на Кейс. Кейс отвечает, глядя Доротея прямо в зрачки:

– Я готова.

Доротея снимает бечевку с одного из картонных кружков. Открывает конверт. Засовывает туда пальцы.

Наступает тишина.

– Ну что же, – повторяет Стоунстрит и давит окурок в пепельнице.

Доротея извлекает из конверта картонку формата А4 и предъявляет ее Кейс, вцепившись в верхние углы безупречно наманикюренными коготками.

Рисунок небрежно выполнен широкой японской кистью. Кейс слышала, что сам герр Хайнци любит делать наброски в таком стиле. Изображение больше всего напоминает летящую каплю синкопированной спермы, как ее нарисовал бы в 1967 году американский художник-авангардист Рик Гриффин. Внутренний радар Кейс моментально сигнализирует, что эмблема никуда не годится. Почему – она не смогла бы объяснить.

На мгновение перед Кейс возникает бесконечная вереница изможденных азиатских рабочих, которым из года в год придется наносить этот символ на кроссовки, скажи она сейчас «да». Что они будут при этом думать? Возненавидят ли этот прыгающий сперматозоид? Будет ли он им сниться по ночам? Будут ли их детишки рисовать его мелками на асфальте еще до того, как узнают, что это фирменный знак?

– Нет, – говорит она.

Стоунстрит вздыхает, но не особенно тяжело. Доротея засовывает рисунок в конверт и бросает на стол, не потрудившись запечатать.

В контракте Кейс специально оговорено, что, давая подобные консультации, она не обязана мотивировать свое мнение, критиковать образцы и советовать. Она просто выступает в роли одушевленной лакмусовой бумажки.

Доротея берет сигарету из пачки Стоунстрита, закуривает, бросает спичку рядом с пепельницей.

– Говорят, зима в Нью-Йорке была холодной? – спрашивает она.

– Да, холодней обычного, – отвечает Кейс.

– Наверное, очень тоскливо.

Кейс молча пожимает плечами.

– Вы не могли бы задержаться на несколько дней? Подождать, пока мы исправим рисунок?

Кейс недоумевает. Что за вопрос? Доротея должна знать правила игры.

– Я здесь пробуду две недели. Приятель просил присмотреть за квартирой, – отвечает она.

– Значит, фактически вы будете в отпуске?

– Фактически я буду работать на вас.

Доротея ничего не отвечает.

– Наверное, это очень трудно. – Стоунстрит подносит ладонь к лицу; огненный чуб качается над тонкими веснушчатыми пальцами, как пламя над горящим собором. – Я имею в виду, трудно принимать решения на эмоциональном уровне, по принципу «нравится – не нравится».

Доротея встает из-за стола и, держа сигарету на отлете, подходит к буфетной стойке, где расставлены бутылки с водой «Перрье». Кейс провожает ее взглядом, затем поворачивается к Стоунстриту:

– Бернارد, дело не в том, нравится или не нравится. Это как тот рулон паласа. Он либо синий, либо нет. И никаких эмоций я по этому поводу не испытываю.

Кейс ощущает волну негативной энергии за спиной: Доротея возвращается на место. Обойдя стол, она неловко гасит сигарету и ставит стакан рядом с конвертом.

– Хорошо, я свяжусь с Хайнц сегодня вечером. Раньше не могу: он сейчас в Стокгольме, на переговорах с «Вольво».

В воздухе висит сигаретный дым; у Кейс першит в горле.

– Ничего страшного, время есть, – отвечает Стоунстрит таким голосом, что Кейс понимает: времени очень мало.

* * *

Ресторан «Узкоглазые не серфингуют» набит битком. Кухня здесь, естественно, вьетнамская, модулированная калифорнийскими мотивами со следами французской колониальной закваски. Белые стены украшены огромными черно-белыми плакатами с изображениями зажигалок «Зиппо» времен вьетнамской кампании, а зажигалки украшены армейской символикой, грубыми сексуальными сценами и фронтовыми афоризмами. Они напоминают надгробия конфедератов – участников Войны Севера и Юга, – если не обращать внимания на картинки и содержание афоризмов. Судя по упору на вьетнамскую тему, ресторан существует уже давно.

ПРОДАМ ДАЧУ В АДУ И ДОМИК ВО ВЬЕТНАМЕ.

Зажигалки на плакатах помяты и покрыты ржавчиной, надписи едва различимы; посетители практически не обращают на них внимания.

ПОЛОЖИТЕ В ГРОБ НИЧКОМ И ПОЦЕЛУЙТЕ В ЗАДНИЦУ.

– Вы знаете, что Хайнц – его настоящая фамилия? – спрашивает Стоунстрит, подливая Кейс калифорнийского каберне; та не отказывается, хотя знает, что будет потом жалеть. – Многие думают, что это не фамилия, а прозвище. Кстати, имя его неизвестно.

– А подвиг бессмертен.

– Э?..

– Извините, Бернارد. Просто очень устала.

– Я же говорю, пейте таблетки. Новозеландские.

БАРДАК ВОЙНЫ – ЗАКОН ПРИРОДЫ.

- Да я уж как-нибудь без таблеток. – Кейс отхлебывает вина.
- Та еще штучка, да?
- Кто, Доротея?

В ответ Стоунстрит закатывает глаза. Они у него карие, выпуклые, словно протравленные ртутью. А по краям радужный ореол с оттенком медно-зеленого.

173-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ.

Кейс спрашивает Стоунстрита о жене. Тот послушно пускается в воспоминания о триумфальном дебюте огуречной маски, сетуя на политические интриги вокруг захвата розничных торговых точек. Им приносят обед. Кейс переключает внимание на жареные тайские блинчики, запустив мимический автопилот на равномерные кивки и поднятие бровей. Она рада, что Стоунстрит взял на себя бремя активной беседы. Мысли начинают опасно путаться, закручиваясь в пестрый танец вокруг недопитого бокала вина.

Дослушать рассказ. Докушать обед. Добраться до кровати.

Но надгробия-зажигалки не отпускают, нашептывают свои экзистенциальные элегии.

КОТ-ГОВНОГЛОТ.

Оформление ресторана должно быть незаметным, фоновым. Особенно если посетители, подобно Кейс, обладают острым звериным чутьем на такие вещи.

– А когда мы поняли, что Харви-Труссы Николс не намерен к нам присоединиться...

Кивнуть, поднять брови, откусить блинчик. Полет нормальный, осталось совсем чуть-чуть. Стоунстрит пытается подлить вина, но Кейс накрывает бокал ладонью.

Автопилот помогает ей продержаться до конца обеда, несмотря на помехи, наведенные двусмысленной топонимикой зажигалочьего кладбища: КИНЬ КУЙ ЧАЙ, ВЫНЬ САМ ПЕЙ... Наконец Стоунстрит расплывается, и они встают.

Сняв куртку со спинки стула, Кейс замечает слева на спине круглую дырочку, прожженную сигаретой. Нейлон по краям оплавился и застыл коричневыми бусинками. Сквозь дырку видна серая подкладка из специального материала. Перед тем как выбрать этот материал, японские дизайнеры наверняка проштудировали целые горы армейских спецификаций.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – отвечает Кейс, надевая испорченную куртку.

У самого выхода светится стенд: под стеклом в несколько рядов висят настоящие зажигалки. Кейс останавливается, чтобы посмотреть.

МЕЧ В КРОВИ, ЧЛЕН В ДЕРЬМЕ.

Да, приблизительно в таком виде хотелось бы сейчас стоять над Доротеей. Но все равно уже ничего не докажешь. А от пустой злости только вред.

3

Приложение

Ей стало плохо в «Харви Николсе».

Ничего удивительного – при ее-то реакции на фирменные знаки.

Началось с того, что она заметила вычурное здание, похожее на коралловый риф, напротив станции метро «Найтсбридж», и подумала: если кто-то и продает «Баз Риксоны», то это «Харви Николс».

По пути вниз, к секции мужской одежды, Кейс миновала отдел косметики с подборкой огуречных масок от Елены Стоунстрит. Бернард рассказывал за обедом, каких трудов стоило поставить здесь этот стенд.

Первые звоночки появились рядом с витриной *Tommy Hilfiger* – внезапно, без предупреждения. Некоторым достаточно съесть один арахис, и голова сразу распухает, как баскетбольный мяч. А у Кейс распухает какая-то нематериальная субстанция в душе.

Tommy Hilfiger – давно известная опасность, для которой уже найдено ментальное противоядие. В Нью-Йорке эта фирма переживает бурный подъем, вкупе с *Benetton*, но расположение зон риска знакомо, и враги не могут застать врасплох. А здесь все по-другому. Наверное, все дело в контексте. Кейс просто не ожидала встретить этих монстров в Лондоне.

Даже еще не видя самой эмблемы, она сразу почувствовала: реакция началась. Ощущение, как будто из всех сил прикусываешь кусок фольги. Достаточно было одного неосторожного взгляда направо, чтобы лавина поехала. Целый склон с надписью *Tommy Hilfiger* обрушился у нее в голове, подняв тучу пыли и изменив мир.

Боже мой, неужели они не понимают? Это же поддельный симулякр клонированной имитации подобия! Слабый раствор *Ralph Lauren*, получившийся из жидкой настойки *Brooks Brothers*, которую в свою очередь разбоджили из смеси Джермин-стрит и Сэвил-роу, превращенных в ширпотреб и щедро приправленных рубашками поло. Хуже, чем *Tommy Hilfiger*, просто не бывает. Это черная дыра, горизонт событий, за которым уже невозможно быть более выхолощенным, вторичным и бездушным. *Tommy Hilfiger* вездесущ и неразрушим, потому что из торговой марки превратился в абстрактную категорию.

Надо срочно выбираться прочь из этого лабиринта эмблем!.. Однако не так все просто: эскалатор выходит назад, к улице Найтсбридж, которая теперь тоже перекинулась в монстра. А если ее удастся проскочить, то упруешься в Слоун-сквер, где притаилась злоедающая *Laura Ashley*.

Остается только одно – пятый этаж, прибежище мелких магазинчиков в калифорнийском стиле. «Дин и Делюка» в облегченном варианте, с традиционным рестораном, в центре которого, словно футуристический имплант, сверкает и стучит ножами странный механизированный суши-бар, а чуть в стороне скромно помалкивает обычный бар, где можно заказать превосходный кофе.

Кофеиновую инъекцию она припасала на крайний случай, как серебряную пулю против химер, поднявшихся на дрожжах серотонинового голода. Сейчас как раз такой случай. Немедленно ехать на пятый этаж! Где-то тут должен быть лифт. Да, лифт – это именно то, что нужно. Небольшой безликий замкнутый объем. Ну где же он?!

Она находит лифт, нажимает кнопку. Двери открываются. Внутри никого, как на заказ. Загорается лампочка «5». Лифт трогается.

– Боже мой, я так взволнована! – восклицает захлебывающийся женский голос.

Кейс вздрагивает: кроме нее в тесном зеркально-металлическом гробу никого нет.

К счастью, она уже ездила в таком лифте и быстро осознает, что бесплотные голоса – аудиозапись для развлечения покупателей.

– Ты прекрасно выглядишь, – вступает урчащий мужской бас.

Нечто похожее она слышала много лет назад, в туалете дорогого гриль-бара на Родео-драйв. Правда, там были не голоса, а спокойное полифоничное гудение луговых насекомых. Звук здорово напоминал жужжание мух над кучей навоза, хотя вряд ли хозяева стремились создать именно такое впечатление.

Кейс усилием воли блокирует вкрадчивые призрачные голоса. Лифт возносит ее на пятый этаж – слава богу, без единой остановки.

Двери открываются; она выскакивает в просторное светлое пространство. Солнце сверкает сквозь стеклянную крышу. Людей меньше, чем обычно. Несколько человек обедает в ресторане. Но главное – на этаже практически нет одежды, за исключением той, что лежит в сумках и надета на плечах. Наконец-то можно передохнуть.

Она задерживается у мясного прилавка, где выложены розовые куски говядины, залитые ярким светом, словно лица телеведущих. Экологически чистое мясо. Гораздо чище человеческого. У бедных коровок диета строже, чем в рекламных брошюрках жены Стоунстрита.

У стойки бара – стойка европизонов в темных костюмах, с неизменными сигаретами.

Кейс подходит, подзывает бармена.

– «Тайм-аут», да? – спрашивает тот, приглядываясь.

Брутальный армейский ежик; сверлящий взгляд сквозь тяжелые итальянские очки в черной оправе. Эти очки делают бармена похожим на текстовый смайлик: очки-восьмерка, нос-тире и рот – косая черта.

– Простите, не поняла.

– Еженедельник «Тайм-аут». Вы там в президиуме сидели. Помните лекцию в ИСИ?

ИСИ, Институт современного искусства. Когда же это было? Лекция о систематике торговых марок, докладчица откуда-то из провинции. Мелкий дождик, морозящий по крыше. Сонные лица в зале, запахи мокрой шерсти и сигарет. Кейс согласилась участвовать, потому что Дэмиен предложил остановиться у него. Он как раз получил деньги за новый ролик для скандинавской автокомпании и купил дом, который прежде несколько лет арендовал. «Тайм-аут» тогда напечатал статью с фотографиями участников.

– Вы ведь следите за фрагментами? – Глаза за стеклами черной восьмерки превращаются в узкие щелочки.

Дэмиен иногда шутит, что фрагментчики – это зарождающиеся масоны двадцать первого века.

– Вы тоже были на лекции? – спрашивает Кейс, выбитая из колеи грубым нарушением контекста.

Она отнюдь не знаменитость и не привыкла, чтобы ее узнавали в лицо. Правда, культ фрагментов существует вне социальных границ и привычных правил, и его служители должны быть готовы ко всему.

– Не я. Мой приятель. – Бармен проводит по стойке белоснежной салфеткой, смахивая невидимую пыль. Обгрызенные ногти, большой безвкусный перстень. – Потом он мне рассказал, что встретил вас на сайте. Вы с кем-то спорили насчет «Китайского посланника»... Вы ведь не думаете, что это он?

Он – это значит Ким Хи Пак, молодой корейский режиссер, любимец богемы, снявший «Китайского посланника». Стилль фильма многие сравнивают со стилем последних фрагментов, а некоторые даже напрямую считают Кима Пака автором. Задавать такой вопрос Кейс – все равно что спрашивать у папы римского, как он относится к катарской ереси.⁴

– Конечно же нет!

– Вышел новый фрагмент, – быстрый хрипящий шепот.

⁴ Катары (они же альбигойцы) отрицали папскую и епископскую власть.

– Когда?

– Сегодня утром. Длина сорок восемь секунд. С обоими персонажами.

Вокруг Кейс и бармена словно бы образуется защитный пузырь, сквозь который не проникают звуки. Она тихо спрашивает:

– С диалогом?

– Нет.

– Вы уже смотрели?

– Еще не успел. Пришло сообщение на мобильник.

– Ладно, не портите впечатление, – предупреждает Кейс, спохватившись.

Бармен аккуратно складывает салфетку. Сизая струйка *Gitane* плывет по воздуху, оторвавшись от европижонов.

– Хотите что-нибудь выпить?

Защитный пузырь лопается, впуская внешний гомон.

– Двойной эспresso. – Порывшись в папке «Штази», она извлекает горсть тяжелой зазеркальной мелочи.

Бармен выцеживает эспresso из черной машины в глубине бара. Свистит вылетающий пар. Форум сегодня будет стоять на ушах. Начнется с единичных постов, с какого-нибудь одного очага, в зависимости от часового пояса и места появления фрагмента. А затем разойдется, как взрывная волна. Отследить людей, которые выкладывают фрагменты, до сих пор никому не удавалось. Они пользуются либо одноразовым электронным адресом с динамического IP, либо временным мобильным номером, либо анонимайзером. Фрагмент чаще всего оставляют на каком-нибудь открытом файлообменнике, чтобы активисты форума, рыщущие по Сети, сами его обнаружили.

Бармен приносит белую чашку на белом блюде, ставит ее на черную полированную стойку. Рядом появляется металлическая корзинка, разбитая на секции. В каждой секции особый сорт сахара. Три разноцветных сорта. Еще одна особенность зазеркалья – сахар здесь едят в огромных количествах, добавляя в самые неожиданные блюда.

Кейс сооружает столбик из шести фунтовых монет.

– Не надо, кофе за счет заведения.

– Спасибо.

Европижоны жестами выражают желание добавить. Бармен отходит к ним. Сзади он похож на Майкла Стайпа,⁵ накачавшегося анаболиками. Кейс убирает четыре монетки в папку, а оставшиеся задвигает в тень от сахарной корзинки. Допив несладкий кофе, она встает и направляется к лифтам. На полпути почему-то оглядывается – и натывается на пристальный взгляд сквозь черную восьмерку.

* * *

Черное такси довезло до кэмденского метро.

Приступ «Томми»-фобии прошел без следа, но душа еще не подлетела. Болото усталости вышло из берегов и разлилось до горизонта.

Кейс боится, что уснет на ходу. Автопилот влечет ее по супермаркету, в корзине сами собой появляются продукты. Зазеркальные фрукты, молотый колумбийский кофе, двухпроцентное молоко. В отделе канцелярских принадлежностей прибавляется моток черной изоляции.

Приближаясь по Паркуэй к дому Дэмиена, она замечает на столбе затрепанную листовку. Выцветший стоп-кадр из позапрошлого фрагмента.

⁵ Майкл Стайн – солист группы REM.

Герой пристально глядит в камеру, сзади угадывается эмблема «Кантор Фицджеральд». На пальце у него обручальное кольцо.

* * *

Мейл от Капюшончика: без слов, только приложение.

Кейс сидит перед «Кубиком» Дэмиена; рядом полулитровый френч-пресс, купленный на Паркуэй. Аромат убийственно крепкого кофе. Не стоило бы пить это зелье: сон все равно не прогнать, а вот кошмары обеспечены, и опять придется просыпаться в предутренний полумрак, в дрожащий неуют безликого часа. Но служение фрагментам требует жертв.

Последний миг на краю пропасти. Момент отрыва, перед тем как открыть новый файл.

Капюшончик назвал его «№ 135». Перед этим было уже сто тридцать четыре фрагмента – чего? Нового фильма, который кто-то продолжает снимать? Старого фильма, который зачем-то нарезан на кусочки?

Кейс решила пока не заходить на форум. Столкновение с новым фрагментом должно быть чистым и прямым, без спойлеров.

Капюшончик говорит: прежде чем смотреть новый фрагмент, надо постараться забыть о предыдущих, чтобы освободиться от влияния виртуального видеоряда, уже сконструированного в мозгу.

Мы разумны, потому что умеем распознавать образы, утверждает он. В этом наше счастье и наша беда.

Кейс нажимает поршень френч-пресса. Густая жидкость льется в чашку.

Нейлоновая куртка накинута на плечи одной из кибернимф. Белый торс прислонен к серой стене, нержавеющей лобок упирается в пол. Равнодушное внимание. Безглазая ясность.

Всего-то пять вечера, а уже хочется спать.

Отхлебнуть горячую горькую жидкость. Щелкнуть мышкой.

Сколько раз она сидела вот так, с чашкой кофе, ожидая появления первых кадров?

Сколько времени прошло с тех пор, как она, если пользоваться терминологией Мориса, «бесстыдно отдалась этому фантому»?

Плоский «Студио-дисплей» наливается абсолютной чернотой. Кейс словно присутствует при зарождении кинематографа, в тот судьбоносный люмьеровский момент, когда пыхтящий паровоз налетел на зрителей из глубины тряпичного экрана, повергнув их в первобытный мистический ужас, и они разбежались прочь, оглашая криками улицы ночного Парижа.

Игра светотени. Острые скулы влюбленных, готовых обняться.

У Кейс по спине пробегают мурашки.

До сих пор они ни разу не притрагивались друг к другу.

Чернота на заднем плане смягчается, обретает структуру. Бетонная стена?

Герои выглядят как обычно. Стиль их одежды стал темой бесчисленных постов Кейс: ее восхищает невозможность точной датировки. Такой анонимности добиться очень трудно. Прически героев тоже ни о чем не говорят. Мужчина может быть и моряком, сошедшим с подводной лодки в 1914 году, и джазменом, отправляющимся в ночной клуб в 1957-м. Нет ни одного намека, ни одной стилистической детали, за которую можно было бы зацепиться. Мастерство высшей пробы. Черный плащ с характерно поднятым воротником принято считать кожаным, однако с таким же успехом он может быть клеенчатым или резиновым.

Девушка одета в длинное пальто, тоже темное, из неопределенного материала. Форма подплечников уже проанализирована вдоль и поперек в сотнях постов. В принципе подплечники должны указать хотя бы на десятилетие, но к единому мнению пока прийти не удалось.

Голова девушки непокрыта. Это можно расценить либо как намерение сбить хронологическую привязку, либо как намек на силу личности: героиня плюет на этикет и правила при-

личия своего времени. Вокруг ее прически тоже сломано немало копий, опять-таки безрезультатно.

Сто тридцать четыре предыдущих фрагмента многократно перетасовывались и сшивались фанатиками всего мира в бессчетное количество возможных видеорядов, но по этим обрывкам до сих пор не удалось определить ни времени действия, ни даже элементарного связующего сюжета.

Историю не раз пытались досочинить, заполнить пробелы собственными измышлениями; наиболее интересные спекуляции новоявленных запрудеров⁶ давно живут своей жизнью, превратившись в независимые кинематографические артефакты. Кейс по большому счету не одобряет этих попыток.

Сидя в полумраке Дэмиеновой квартиры, она наблюдает, как на экране сливаются в поцелуе две пары губ, и знает только, что ничего не знает. Хотя отдала бы все на свете, чтобы целиком посмотреть фильм – а он существует, не может не существовать, – из которого надерганы эти восхитительные кусочки.

Над головами обнявшейся пары вспыхивает белый огонь, и черные тени тянутся кривыми когтями, как в «Кабинете доктора Калигари»...⁷ Это все, экран гаснет.

Кейс нажимает кнопку, прокручивает фрагмент еще раз.

На форуме полным-полно новых постов: за день набежало несколько страниц, в основном догадки и возбужденный треп. Результат появления номера 135. Нужно быть в настроении, чтобы это читать.

Сонливость накатывает, как тяжелая мутная волна; бессилён даже колумбийский кофе.

Кейс вяло раздевается, чистит зубы. Одеревеневшее тело вибрирует от кофеина. Она выключает свет, добредает до кровати и заползает – в буквальном смысле слова – под жесткое серебряное покрывало.

Тяжелая волна нарастает, расширяется с налета.

Свернуться калачиком, в позе эмбриона. Отдаться тяжелой волне. Остро прочувствовать одиночество.

⁶ *Абрахам Запрудер* – человек, заснявший на любительскую кинокамеру убийство Джона Кеннеди.

⁷ *«Кабинет доктора Калигари»* – классическая экспрессионистская драма, снятая немецким режиссером Робертом Вине в 1919 г.

4

Арифметические гранаты

Каким-то чудом Кейс удастся промахнуть мимо безликого часа и dospать до зазеркального утра.

Ее будит странный гибрид легкой мигрени и металлических бликов на крыльях отлетевшего сна.

По-черепашьи высунув голову из-под гигантской печной рукавицы, она шурится на сияющие квадраты окон. Солнечный день. Душа, судя по всему, успела за ночь подлететь поближе; отношения с зазеркалем перешли в новую фазу – экзотермический скачок, сопровождающийся выбросом энергии. Кейс выпрыгивает из кровати – напрямик в ванную, где хромированный итальянский душ можно настроить на массажный режим. Шипят бодрящие колючие струи. Водяная составляющая Дэмиенова ремонта выше всяких похвал.

Кейс кажется, что рычагами ее тела завладела некая деятельная сущность, обладающая собственным разумом и преследующая непостижимые цели. Любопытно посмотреть, к чему это приведет.

Высушить голову. Составить ПК на основе черных джинсов. Залить хлопья «Витабикс» молоком, добавить кусочки банана. У молока неуловимый зазеркальный привкус.

Кейс остается только наблюдать, как деятельная сущность уверенно орудует рычагами: отрывает зубами кусок черной изоленды, небрежно заклеивает прожженную дыру. Элемент устаревшего панковского стиля. Надеть залеченную куртку, проверить деньги и ключи, сбежать по ступенькам, которых еще не коснулся ремонт, мимо чьего-то горного велосипеда и стопок старых журналов.

Улица залита солнечным янтарем: полная неподвижность. Исключение – кот, промелькнувший мазком коричневой акварели. Кейс прислушивается на ходу: белый лондонский шум набирает силу.

Чувствуя прилив необъяснимого счастья, она шагает по Паркуэй; на углу Кэмден-Хай-стрит подворачивается такси, которое вовсе не такси, а просто голубая зазеркальная «джетта», покрытая пылью. Русский водитель за рулем; они едут в Ноттинг-Хилл. Кейс не боится: водитель слишком стар, слишком интеллигентен и слишком неодобрительно на нее поглядывает.

Машина выезжает из Кэмден-тауна. Кейс сразу же теряет чувство направления. У нее в голове нет карты города – только схема метро с прилегающими пешеходными маршрутами.

Тошнотворные круговые перекрестки в лабиринте незнакомых улиц. За окном мелькает непрерывная череда антикварных магазинчиков с периодическими вкраплениями пабов.

Ослепительные лодыжки черноволосого мужчины в дорогом халате (нагнулся к порогу за газетой и утренним молоком). Армейский грузовик с непривычно хмурым выражением фар; кузов, затянутый брезентом; берет водителя.

Элементы зазеркальной уличной обстановки, назначение которых Кейс не может угадать. Местные аналоги странного заведения под названием «Пункт проверки качества воды» рядом с ее манхэттенской квартирой. Приятель однажды пошутил: внутри ничего нет, кроме крана и стаканчика. Кейс часто представляет себя в этой роли – инспектор-обходчик, бродячий сомелье, проверяющий вкус воды в разных частях города. Не то чтобы этим хочется заниматься всерьез, просто успокаивает сама возможность существования такой профессии.

К моменту прибытия в Ноттинг-Хилл деловитая сущность неожиданно покидает командный пункт, и Кейс остается одна, в растерянности. Расплатившись с русским, она выходит из машины напротив Портобелло и спускается в подземный переход, воняющий пятничной

мочой. Большие зазеркальные банки из-под пива, раздавленные, как тараканы. Метафизика коридора. Острая жажда кофеина.

Увы, «Старбакс» за переходом еще не открылся. За стеклом опрятный юнец сражается с огромными лотками, нагруженными выпечкой.

Кейс бесцельно бредет по улице, приближаясь к субботней барахолке. Времени семь тридцать. Она не помнит, во сколько открываются магазины, но к девяти здесь уже будет не протолкнуться. Зачем понадобилось сюда ехать? Она ведь не собирается покупать антиквариат.

Кейс продолжает идти в сторону барахолки, а мимо тянутся миниатюрные домики, раздражающе ухоженные; тут их, кажется, называют «конюшни». И вдруг замечает этих людей: трое по-разному одетых мужчин с одинаково поднятыми воротниками. Они неподвижно и озабоченно глядят в открытый багажник маленькой, нехарактерно старой зазеркальной машины. Точнее, не зазеркальной, а просто английской: по ту сторону океана у нее нет эквивалента. Чуткая память с болезненной поспешностью подсказывает возможное название: «воксхолл».

Кейс не в состоянии объяснить, что в этих троих кажется столь необычным. Может, серьезность, с которой они разглядывают содержимое багажника? Бритоголовый негр, самый крупный из них, хотя и не самый высокий, затянут наподобие сардельки в нечто черное и блестящее, напоминающее искусственную кожу. Рядом сутулится длинный тип с цементным лицом; рукава допотопного водонепроницаемого плаща *Barbour* лоснятся, цвет напоминает подсохший навоз. Третий, молодой блондин с короткой стрижкой, одет в мешковатые скейт-бордистские шорты и потрепанную джинсовую куртку; на плече у него объемная сумка, как у почтальона. Шорты и Лондон совсем не вяжутся друг с другом, думает Кейс, проходя мимо троицы и невольно заглядывая в багажник.

Там лежат гранаты.

Черные компактные овоиды, всего шесть штук, покоятся на сером свитере среди картонных коробок.

– Эй, девушка! – окликает парень в шортах.

– Алле! – раздраженно вторит серолицый тип.

Пора уносить ноги, думает Кейс. Но вместо этого поворачивается к мужчинам:

– А?

– Вот это и есть «Курты», – говорит блондин, подступая ближе.

– Да это же не она, идиот! – прерывает серолицый, уже со злостью. – Она не придет, ясно!

Блондин озадаченно моргает:

– Так вы не за «Куртами»?

– За чем, простите?

– Ну, за арифмометрами.

Кейс, не в силах сдержать любопытства, склоняется над багажником:

– Что это за штуки?

– Арифмометры, – отвечает негр.

Скрипя пластиковой курткой, он наклоняется, берет одну из гранат и вручает Кейс. Тяжелая штука, с насечкой, чтоб не соскальзывала рука. По бокам вертикальные прорезы с ползунками, сверху окошки с циферками. На торце ручка, как у кофемолки. Стратегическая кофемолка.

– Ничего не понимаю, – говорит Кейс, борясь с ощущением нереальности. Вот сейчас все поплывет, и она проснется в Дэмиеновой кровати.

Покрутив предмет в руках, она находит то, что искала, – фирменный знак. СДЕЛАНО В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ. Лихтенштейн?

– Для чего они нужны?

– Особо точный инструмент, – отвечает негр, – для арифметических операций. Заметьте, ни одной электронной детали, голая механика. С ним работать – все равно что снимать на старую тридцатипятимиллиметровую камеру. Это самый маленький механический калькулятор, когда-либо созданный человеком. – Голос у негра мягкий, сладкозвучный. – Его изобрел австриец Курт Херцштарк еще во время войны. Он тогда был узником Бухенвальда. Лагерное начальство даже поощряло его работу. Это вписывалось в концепцию «интеллектуального рабства». Арифмометр хотели подарить фюреру, когда закончится война. Однако в сорок пятом году Бухенвальд освободили американцы. А Херцштарк сумел выжить и даже сохранил свои чертежи.

Негр осторожно берет арифмометр у Кейс. Какие огромные у него руки! Толстые пальцы двигают ползунки, выставляя число. Сжав ребристое утолщение, он прокручивает ручку. Мягко стрекочет механизм, в окошках меняются цифры. Негр подносит прибор к глазам:

– Ну вот, в отличном состоянии. Цена восемьсот фунтов. Что скажете?

Его веки опускаются, он замирает в ожидании ответа.

– Красивая вещь, – говорит Кейс. – Только что я с ней буду делать?

Теперь она чувствует себя увереннее, предложение негра заполнило недостающий контекст. Это просто дилеры, они торгуют этими штуками.

– На хрен я тогда приезжал?! – взрывается серый тип, выхватывая у негра «гранату». – Овца, блин!

Кейс понимает, что последнее относится не к ней. Серый тип сейчас похож на жутковатый портрет Сэмюэля Беккета с обложки книги, которая была у нее в колледже. У него ногти с черной каемкой, на длинных пальцах рыжая потрава от никотина. Он злобно поворачивается и кладет «яйцо» в багажник, рядом с остальными.

– Хоббс, имей терпение, – вздыхает негр. – Она еще придет, давай подождем!

– Пошел ты! – огрызается Хоббс.

Склонившись, он ловко укутывает товар свитером: заботливое, даже материнское движение. Потом захлопывает багажник и дергает крышку, проверяя, закрылся ли замок:

– Только время зря потерял!

Он подходит к передней дверце и распахивает ее – с оглушительным лязгом. Кейс успевает заметить салон мышиного цвета, сальную кожаную обивку и переполненную пепельницу, которая выпирает из приборной доски наподобие выдвижного ящика.

– Она придет, Хоббс, – повторяет негр без особого энтузиазма.

Хоббс молча залезает в кабину, хлопает дверцей, бросает яростный взгляд через грязное боковое стекло. Мотор заводится с астматическим хрипом. Продолжая злобно сверкать глазами, Хоббс дергает рычаг. Машина трогается, едет в сторону Портобелло и на первом же перекрестке сворачивает направо.

– Не человек, а проклятие какое-то... – вздыхает негр. – Сейчас она придет, и что я скажу? – Он поворачивается к Кейс. – А всё вы! Да, вы его разочаровали. Он подумал, что вы – это она.

– Она – это кто?

– Она покупатель. Работа на японский коллекционер, – вступает блондин. У него высокие славянские скулы, открытый взгляд и сильный акцент, как у эмигранта, еще не привыкшего к английскому. – Не ваша вина, не надо обижайтесь. Нгеми просто огорчился. – Он указывает на негра.

– Ну ладно. – Кейс пожимает плечами. – Извините. Удачи!

Она разворачивается и идет к Портобелло. Рядом открывается зеленая дверь, и на тротуар вываливается полная женщина средних лет. Черные кожаные штаны, собака на поводке. Появление этой матроны из Ноттинг-Хилла словно бы разрывает невидимые пути. Кейс ускоряет шаг.

За спиной стучат ботинки; она оглядывается. Блондин бежит следом, сумка шлепает его по задку. Негр уже куда-то исчез.

– Я вас проводить, пожалуйста, – говорит блондин, поравнявшись с ней и улыбаясь, словно для него это большая радость. – Зовут меня Войтек Бирошек.

– Зовите меня Измаил,⁸ – отвечает она, не замедляя шаг.

– Разве женское имя? – Он семенит сбоку, по-собачьи заглядывая в лицо. Редкая разновидность наивности, не вызывающая отвращения.

– Да нет, меня зовут Кейс.

– Кейс... Как чемодан?

– Вообще-то, имя произносится как «Кейси». – Она зачем-то начинает объяснять. – Мама назвала меня в честь одного человека по фамилии Кейси. Но мне больше нравится Кейс.

– А кто такой был Кейси?

– Эдгар Кейси,⁹ «спящий пророк» из Виргиния-Бич.

– А зачем так делать ваша мать?

– Потому что она типичная виргинская чудачка. Вообще, она не любит об этом говорить. Это чистая правда.

– А что вы здесь делать?

– Иду на барахолку, – по-прежнему не замедляя шаг. – А вы?

– Тоже на барахолку.

– Что это были за люди?

– Нгеми продавать мне «зет-икс восемьдесят один».

– А что это?

– «Синклер зет-икс восемьдесят один», персональный компьютер. Делали такие в восьмидесятых. В Америке называли «Таймекс-тысяча», то же самое.

– Нгеми – это толстяк?

– Да, торгует старый компьютер, антикварный калькулятор. С девяносто седьмой год.

– Ваш партнер?

– Нет. Организовать мне встречу. – Он похлопывает по сумке, внутри что-то гремит. – Для «зет-икс восемьдесят один».

– Но сейчас он продавал арифмометры?

– Да, «Курты». Замечательные! Правда, да? Нгеми и Хоббс надеются на совместная продажа. Коллекционер из Японии. Но Хоббс большая проблема. Всегда большая проблема.

– Что, тоже дилер?

– Математик. Гениальный печальный человек. Сильно любит «Курты», но себе не может позволить. Только посредник, купить и продать.

– Не очень приятный тип.

Кейс решает воспользоваться случаем и поработать стиль-разведчиком на выезде, как она это называет. Ей не впервой высаживаться в трущобных районах типа Дог-тауна, где был изобретен скейтборд, чтобы разнюхать, не вызревает ли там что-нибудь новое. В этом деле главное – не ошибиться со следующим вопросом. Именно так она вышла на легендарного мексиканца, который впервые надел бейсболку задом наперед: правильно выбрала следующий вопрос. Вот такая она крутая.

– А на что похожи эти «зет-икс восемьдесят один»?

Войтек останавливается, роется в сумке и извлекает на свет невзрачный потрепанный прямоугольник черного пластика, размером с видеокассету, к которому сверху привинчена

⁸ Первая строчка «Моби Дика» Германа Мелвилла, одна из самых знаменитых фраз в мировой литературе.

⁹ Эдгар Кейси (1877–1945) – американский мистик, в состоянии транса дававший ответы на самые разные вопросы – о перевоплощении, о будущем и т. д.

маленькая клавиатура – на манер того, как в дешевых мотелях привинчивают к тумбочке телевизионный пульт, чтобы не увели постояльцы.

– Это что, компьютер?

– Один килобайт оперативной памяти!

– Всего-то?

Они уже дошли до улицы с названием Вестборн-гроув; дорогие магазинчики попадаются чаще. Впереди, на перекрестке с Портобелло, бурлит ярмарочная толпа.

– А какая от них польза?

– О, это очень сложно.

– Сколько же их у тебя?

– Много, очень много.

– И зачем они тебе нужны?

– Важная веха в истории персональных компьютеров, – отвечает он серьезно. – И в истории Великобритании. Причина, почему здесь так много программисты.

– Да? И почему же?

Вместо ответа Войтек извиняется и ныряет в переулок, где рабочие разгружают помятый фургон. Короткий обмен фразами с крупной женщиной в бирюзовом плаще. Он возвращается, засовывая в сумку еще два черных прямоугольника.

Они идут дальше. Войтек рассказывает про английского изобретателя Синклера, который был гением в одних вещах и полным профаном в других. Он предугадал потребность в дешевых персональных компьютерах, но почему-то решил, что люди будут в первую очередь использовать их для изучения языков программирования. Стоимость ZX-81, известного в Америке как «Таймекс 1000», не превышала тогдашнего эквивалента ста долларов, однако все команды надо было вводить при помощи дурацкой мотельной клавиатуры. Это определило недолгую рыночную жизнь продукта, а также, по мнению Войтека, привело к увеличению процента хороших программистов в Англии. Необходимость вручную кодировать каждый шаг приучила их к определенному складу мысли.

– Как хакеры в Болгарии, – приводит он не совсем понятное сравнение.

– В Америке тоже продавали «Таймексы», – замечает Кейс. – Почему же у нас нет хороших программистов?

– У вас тоже есть программисты, но Америка все по-другому. Америка захотела игровая приставка, «Нинтендо». А «Нинтендо» не может воспитать программиста. Потом еще другая причина. Компьютер привезли в Америку, самая первая партия. А модуль расширения памяти опоздал на три месяца. Люди купили продукт, принесли домой. А он совсем ничего не может. Катастрофа!

Кейс думает, что люди везде одинаковые. В Англии они хотели «Нинтендо» не меньше, чем в Америке, – и, разумеется, получили то, что хотели. Так что если теория Войтека верна, то грядущее поколение английских программистов будет являть собою печальное зрелище.

– Я хочу кофе, – заявляет она.

Войтек кивает и ведет ее по одряхлевшей галерее на углу Портобелло и Вестборн-гроув – мимо русских лоточников, торгующих старыми часами, потом вниз по ступенькам, в тесное подвальное кафе, и угощает так называемым белым кофе. Этот напиток Кейс помнит по давним детским визитам в зазеркалье, когда здесь еще не было «Старбакса». Слабый кофейный раствор, круто заправленный сгущенкой и тяжелым сахаром. Она пьет и вспоминает отца, их первый поход в Лондонский зоопарк. Тогда ей было десять лет.

Они с Войтеком сидят на раскладных деревянных стульях, которые стояли здесь, наверное, еще до войны, и осторожно прихлебывают обжигающий белый кофе.

И тут Кейс замечает Мишлена – рядом с кассой, буквально в пяти метрах от нее. Белый полуметровый опарыш, насаженный на палочку. Внутри, судя по всему, электрическая под-

светка. *Michelin* – торговый знак, впервые вызвавший у нее болезненную реакцию, в возрасте шести лет.

– Он получил уткой в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, – тихонько произносит она.

Войтек смотрит на нее и озадаченно моргает:

– Что?

– Не обращай внимания.

Это ее заклинание.

Один из друзей отца, летчик, когда Кейс была еще ребенком, рассказал историю про своего коллегу, который взлетел из аэропорта Сиу-Сити и столкнулся с уткой, набирая высоту. Лобовое стекло разбилось, в кабину ворвался ветер. Самолет каким-то чудом сумел приземлиться. Пилот остался в живых и даже вернулся к полетам, но в его левом глазу навсегда застряли микроскопические осколки стекла. История буквально заворожила Кейс, и позднее она обнаружила, что даже самых страшных рекламных чудовищ можно нейтрализовать, если при их появлении произнести волшебную фразу.

– Это как вербальный тик, – поясняет она.

– Тик?

– Ну, трудно объяснить...

Кейс оглядывается по сторонам. У стены раскинута небольшая палатка, торгующая викторианскими хирургическими инструментами. Продавец – древний старик с высоким пятнистым лбом, с белыми бровями, которые кажутся грязными. Его голова по-птичьи упрятана в плечи. Он стоит за прилавком, который со всех сторон забран стеклом. Внутри сверкают необычные предметы. Некоторые из них лежат в открытых футлярах, обитых выцветшим бархатом. Кейс хватается за этот предлог, чтобы как-то вырваться из разговора про утку. Взяв чашку с кофе, она встает и по грубому дощатому настилу подходит к прилавку.

– Что это такое? – Она показывает на первую попавшуюся коробку.

Продавец смотрит на нее, потом на коробку, потом снова на нее.

– Набор для трепанации черепа. Лондонская мастерская Эванса, тысяча семьсот восьмидесятый год, в оригинальном футляре из акульей кожи.

– А вот это?

– Французский набор с лучковой дрелью для удаления камней из почек. Начало девятнадцатого века, мастер Гранжере. Футляр красного дерева, с бронзовыми заклепками.

Глубоко посаженные воспаленные глазки ощупывают Кейс, словно прикидывая, не пройти ли по ней хитроумным изделием мастера Гранжере, которое в разобранном виде блестит в углублениях побитого молью бархата.

– Спасибо, – благодарит Кейс, мысленно ругая себя за неудачный выбор отвлекающего предложения.

Повернувшись к Войтеку, она машет рукой:

– Пойдем на воздух.

Тот обрадованно встает, поправляет сумку на плече и следует за ней к выходу.

К этому часу на улице полно народу. Любители старины и просто туристы – в основном соотечественники Кейс либо японцы. Толпа – как на стадионе во время концерта. Люди лениво ползут вдоль Портобелло в обоих направлениях, прямо по проезжей части, а тротуары заняты пестрыми лотками мелких торговцев. Тучи разошлись, солнце сияет в полную силу. У Кейс кружится голова – от яркого света, медлительной толпы и внутренней суматохи, вызванной прибытием отставшей души.

– Сейчас уже плохо, ничего не найдешь, – бормочет Войтек, озираясь и прижимая сумку к животу. – Мне надо пойти, надо работать.

– Кем ты работаешь? – спрашивает Кейс, чтобы разогнать головокружение.

В ответ Войтек кивает на свою сумку:

– Надо проверить исправность. Рад был встретиться!

Покопавшись в кармане, он достает белый картонный прямоугольничек с чернильным штампом. Его электронный адрес.

Кейс не признает визитных карточек. Ни к чему давать значимую информацию малознакомым людям.

– У меня нет визитки, – говорит она, но все же сообщает ему свой мейл: все равно не запомнит.

Войтек расцветает. Торжествующая улыбка зажигается под геометрически правильными славянскими скулами. Повернувшись, он растворяется в толпе.

Кейс отпивает кофе. Все еще горячий, обжигает язык. Она осторожно выкидывает стаканчик в переполненную урну. Ей хочется пешком вернуться на Ноттинг-Хилл, зайти в «Старбакс» и заказать нормальный кофе с зазеркальным молоком. А оттуда на метро доехать до Кэмдена.

Прилетевшая душа уgomонилась, головокружение прошло. Кейс чувствует себя комфортно.

– Он получил уткой в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, – тихонько повторяет она, чтобы закрепить приятное ощущение, и направляется в сторону Ноттинг-Хилла.

5

По заслугам

«Крестовый поход детей» за несколько лет почти не изменился.

Этим термином Дэмиен называет подростковую тусовку в Кэмден-тауне. Каждую субботу толпы тинейджеров наводняют Хай-стрит от станции метро до Кэмденского шлюза.

Кейс оказывается в этой толпе, поднявшись из гулких гроыхающих глубин подземки; ее вывозит на свет трясучий эскалатор, ступени которого обиты запачанной и очень прочной на вид деревянной рейкой.

Запруженная тинейджерами улица похожа на средневековую гравюру, где изображена публичная казнь.

Фасады домов по обеим сторонам украшены искаженными барельефами: макеты старых самолетов, ковбойских сапог и шнурованных ботинок *Dr. Martens*. Объемные фигуры выглядят криво, словно их вылепили из пластилина великанские детишки.

В свое время Кейс провела здесь много часов – иногда в компании ведущих дизайнеров обувных гигантов, сколотивших миллионы на кроссовках для бесчисленных молодых ног, а иногда одна, в поисках случайных самородков уличной моды.

Это бурливое скопление совсем не похоже на вялую толпу в Портобелло. Работают другие движущие пружины, летают другие запахи. Феромоны, ароматизированные сигареты, гашиш.

Кейс прокладывает курс в толчее, ориентируясь на вывеску «Вёрджин мегастор», господствующую над местностью. По пути можно было бы немного задержаться, поработать, повертеться в толпе. В Нью-Йорке есть заказчики, которые заплатят хорошие деньги за отчет с подписью «Кейс Поллард» о том, что сегодня делают, носят и слушают юные крестonosцы. Но сейчас она просто не в настроении. К тому же формально у нее контракт с «Синим муравьем». Так что лучше провести тихий вечер в уютной квартире Дэмиена – тем более что добраться туда можно буквально за пару минут, если пройти через овощные ряды на Инвернесс-стрит. Заодно и запасы пополнить.

Продукты здесь посвежее, чем в супермаркете. Кейс покупает апельсины, очевидно привезенные из Марокко или Испании, и несет их домой в розовом прозрачном пакете.

Хорошо, что у Дэмиена нет сигнализации. Кейс уже не раз попадала в дурацкое положение, ночуя у друзей, чьи квартиры были поставлены на охрану. Она нащупывает в кармане ключи – большие, увесистые, как фунтовые монеты. Один от подъезда и два от квартиры.

Войдя внутрь, она прислушивается к своим ощущениям. Квартира уже не вызывает дискомфорта: отставшая душа возвратилась, и давешние предрассветные страхи испарились без следа. Сейчас это просто жилище старого друга, недавно отремонтированное. Кейс скучает по Дэмиену. Жалко, что он сейчас на съемках в России. Побродили бы вместе в кэмденской толпе или поднялись на Примроуз-Хилл.

События сегодняшнего утра кажутся сном: встреча с Войтеком, серолицый математик, черные арифмометры из Бухенвальда.

Кейс запирает дверь и усаживается перед компьютером. «Кубик» дремлет, помаргивая огоньками. У Дэмиена выделенная линия, интернет всегда под рукой. Пора зайти на Ф:Ф:Ф, посмотреть, что думают о поцелуе Капюшончик, Кинщик, Мама Анархия и прочие братья-фрагментщики. Форум наверняка запружен свежими теориями.

Капюшончик из них самый интересный. Они постоянно обмениваются электронными письмами, даже когда на Ф:Ф:Ф затишье. Кейс знает о нем очень мало: живет где-то в Чикаго; судя по всему, голубой. Ни имени, ни фамилии. Но когда доходит до фрагментов, они пони-

мают друг друга с полуслова, как никто в мире. Разделяют сомнения, комплексы, интуитивные догадки.

Чтобы не набивать заново адрес форума, Кейс кликает на историю браузера. Открывается окошко журнала.

АЗИАТСКИЕ ШЛЮХИ ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ. ФЕТИШ: ФРАГМЕНТЫ: ФОРУМ.

Рука замирает на мыши, глаза – на первой строчке.

Кейс чувствует, как волосы в буквальном смысле шевелятся на затылке.

Она сознает, что это уже непоправимо, что простым умственным усилием не удастся поменять местами азиатских шлюх и Ф: Ф:Ф, тем не менее отчаянно желает, чтобы азиатские шлюхи перескочили на вторую строчку. Однако шлюхи ей не подчиняются. Кейс неподвижно смотрит на экран, словно это не экран, а маленький коричневый паучок из цветника в Портленде. Тогда она тоже застыла в ужасе, а паучок неторопливо полз по цветку, и подошедший хозяин сообщил, что в этом невзрачном насекомом достаточно нейротоксина, чтобы гарантированно и мучительно лишить жизни их обоих.

Квартира Дэмиена уже не кажется надежным убежищем; она превратилась в незнакомое и опасное место. В безвоздушное замкнутое пространство, в котором происходят странные, нехорошие вещи. Кейс вспоминает, что в квартире есть еще второй этаж, куда она в этот приезд так и не поднималась.

Она смотрит на потолок.

И почему-то вспоминает, как однажды лежала на спине, чувствуя легкую радость или, скорее, приятное полузабвение, а сверху ритмично двигался бывший эпизодический дружок по имени Донни.

У Донни по жизни было больше проблем, чем у других парней, и в конце концов Кейс пришлось признать, что это как-то связано с его именем. Ее подруга с самого начала так и заявила: никто в здравом уме не станет встречаться с парнем по имени Донни. Это был нищий пропойца из Ист-Лансинга, полуирландец-полуитальянец с исключительно красивым лицом и мягким чувством юмора. Очевидно, благодаря этому последнему качеству Кейс неожиданно для себя несколько раз оказывалась на несвежей постели в тесной квартире на Клинтон-стрит между Ривингтоном и Делэнси, созерцая ритмично двигающуюся на фоне облезлого потолка ухмылку Донни.

История закончилась, когда однажды, лежа на спине и наблюдая на лице Донни приметы фазового перехода к неизбежному оргазму, Кейс решила роскошным движением закинуть руки за голову. Ее левая ладонь попала в щель между грязной стеной и спинкой кровати и наткнулась там на что-то твердое, холодное и геометрически правильное. Это был ствол автоматического пистолета, приклеенного, должно быть, при помощи изолянты той же марки, которой она сегодня утром залепила дыру на «Баз Риксоне».

Донни был левша, и пистолет прилепил соответственно – чтобы можно было легко дотянуться, лежа на спине.

Это был конец романа. В голове у Кейс с легким треском замкнулась простая логическая цепочка: если парень спит с пистолетом – значит Кейс не спит с парнем. Осталось только подождать, положив пальцы на ребристую рукоять, пока Донни завершит свой последний конкур на этой лошадке...

Но здесь, в Кэмден-тауне, в квартире Дэмиена на втором этаже есть комната. Та самая, где Кейс обычно спала во время прошлых визитов. Насколько ей известно, эта комната сейчас переоборудована в монтажную студию.

Может, там кто-нибудь прячется? А в ее отсутствие сходит вниз и от нечего делать разглядывает азиатских шлюх?.. Дико, невозможно! И все же какая-то доля вероятности существует. Страшная мысль.

Кейс заставляет себя внимательно осмотреться. Моток изоленды лежит на ковре – вернее, стоит на боку, как будто упал и откатился. А ведь она ясно помнит, что положила моток на журнальный столик, откуда он самостоятельно прыгнуть не мог.

Паническая пружина подбрасывает ее и влечет на кухню, где она начинает рыться в поисках оружия. Ножи в ящике. Новые, неиспользованные, острые как бритва. Но Кейс не уверена, что сможет с ними управиться, а присутствие режущих объектов только усугубит ситуацию. Она выдвигает другой ящик – там коробка с какими-то деталями. Тяжелые блестящие железки, очевидно запасные органы для киберманекенов. Короткий увесистый цилиндр плотно ложится в руку, плоские торцы едва выступают из кулака. Столбик монет – весьма неплохое оружие, вспоминает она. Хоть какая-то польза от общения с Донни.

Сжимая железку, она осторожно поднимается по ступенькам и осматривает монтажную студию на втором этаже. Никого. И спрятаться негде. Из старой мебели остался только узкий диван – ее привычное спальное место, когда Дэмиен дома.

Кейс спускается и методично обыскивает квартиру, с замиранием сердца открывая двери кладовок. Но обе кладовки пусты: Дэмиен не любит накапливать хлам.

На кухне она проверяет нижние шкафы, потом заглядывает в отсек под раковиной. Притаившегося злодея там нет, зато есть желтая измерительная рулетка, забытая рабочими.

Кейс закрывает входную дверь на латунную цепочку, весьма хлипкую по нью-йоркским стандартам. Да и вообще, в Нью-Йорке дверным цепочкам доверять не привыкли. Но пусть будет хоть какая-то преграда.

Все окна, кроме одного, герметично заперты и покрашены белой эмалью поверх щелей. Доброму плотнику с добрым инструментом потребуется добрых три часа, чтобы какое-нибудь из них открыть. Единственное незапечатанное окно, вскрытое, надо полагать, все тем же добрым плотником, притянута к раме внушительными зазеркальными болтами с хитрыми головками. Для таких болтов нужен специальный ключ. Интересно, есть ли он у Дэмиена? Так или иначе, это окно можно открыть только изнутри, а стекло цело, и, значит, отсюда никто не мог проникнуть.

Кейс снова оглядывается на входную дверь.

У кого-то есть ключи. От обоих замков, плюс еще ключ от подъезда.

Может, Дэмиен завел новую подружку и забыл об этом сообщить? Или, может, старая подружка сохранила ключи. Или уборщица что-то оставила в квартире, а потом вернулась, пока Кейс не было дома.

И тут она вспоминает, что замки поменяли при ремонте. Новые ключи она получила по «Федексу», накануне отъезда. Их выслала ассистентка Дэмиена, та самая, что сразу после ремонта прибрала квартиру. Эта женщина специально звонила в Нью-Йорк, спрашивала, дошли ли ключи, потому что дубликатов у нее не было. И в разговоре, кстати, упомянула, что уборщицу Дэмиен недавно уволил.

Кейс идет в спальню и внимательно осматривает свои вещи. Непохоже, чтобы кто-нибудь в них рылся. Она вспоминает первого «Джеймса Бонда» с чудовищно юным Шоном Коннери. Перед походом в казино тот имел привычку запечатывать дверь гостиничного номера при помощи благородного шотландского плевка и глянцевого черной волосинки.

Теперь уже поздно запечатывать.

Она возвращается в гостиную, где беззаботно дремлет «Кубик» и лежит на ковре рулон изоленды. Комната обставлена просто и семиотически нейтрально. Дэмиен под страхом увольнения запретил декораторам приносить в дизайн стандартные элементы журнальной роскоши.

Где еще могут остаться следы вторжения?

Телефон.

На столе, рядом с компьютером.

Примитивный зазеркальный аппарат без обычных наворотов, даже без индикатора вызовов. Дэмиен считает, что эти штучки только похищают время и создают лишние проблемы.

По крайней мере, есть кнопка повторного набора.

Кейс снимает трубку и вопросительно смотрит на нее, словно ожидая ответа. Но слышит лишь равнодушное гудение.

Она нажимает повторный набор. Пищат зазеркальные звоночки. Трубку наверняка поднимет автоответчик «Синего муравья» или дежурный секретарь. Именно туда она звонила последний раз в пятницу утром, чтобы узнать, выехала ли машина.

– *Lasciate un messaggio, rispondero appena possibile.*

Быстрый, напряженный женский голос.

Гудок.

Кейс яростно бросает трубку, едва сдерживая крик.

«Оставьте сообщение, я перезвоню».

Проклятая Доротея.

6

Спичечная фабрика

Оглядывая квартиру, Кейс вспоминает голос отца. И повторяет вслух:

– Задача номер один: обеспечить безопасность периметра.

Уин Поллард в течение двадцати пяти лет обеспечивал безопасность зданий американского посольства в различных странах. Выйдя на пенсию, он изобрел и запатентовал особо гуманное ограждение для сдерживания толпы на рок-концертах.

Любимой детской сказкой Кейс был обстоятельный и подробный рассказ отца о том, как ему удалось обеспечить безопасность канализационных шахт на территории американского посольства в Москве.

Кейс простукивает входную дверь, покрашенную белой краской. Скорее всего, это цельный дуб. Причем сработано, подобно многим старым вещам, гораздо крепче, чем требуется. Петли, разумеется, с внутренней стороны, то есть дверь открывается внутрь и упирается вот в эту стену. Кейс прикидывает расстояние до стены, потом критически оглядывается на письменный стол.

Достав из-под раковины рулетку, она замеряет сначала длину стола, потом расстояние между дверью и стеной. Получается зазор в восемь сантиметров. Если подпереть дверь столом, то злодеям потребуется либо топор, либо динамит, чтобы вломиться в квартиру.

Она снимает со стола аппаратуру и аккуратно, не отсоединяя проводов, переносит ее на ковер. Телефон, модем, клавиатура, «Студио-дисплей», колонки. Потрясенный «Кубик» просыпается, и на экране снова возникают азиатские шлюхи. Первой строчкой. Кейс берется за «Кубик», пальцы случайно задевают выключатель. Компьютер вырубается. Она ставит его на пол, включает питание и подходит к опустевшему столу. Верхняя часть легко снимается с боковых подножек. Тяжеленная доска. Но Кейс принадлежит к типу женщин, которые при кажущейся хрупкости фигуры обладают феноменальной физической силой. В университете она была куда лучшим скалолазом, чем ее тогдашний мускулистый дружок с факультета психологии. Дружок злился и не раз пытался доказать обратное, но Кейс неизменно добиралась доверху первой, причем по более сложному маршруту.

Кейс подносит доску к стене, ставит ее на попа и возвращается за остальными частями. Подтащив боковины к двери, она раздвигает их на нужное расстояние и осторожно, стараясь не поцарапать свежескрашенную стену, опускает на них верхнюю доску. Баррикада готова, можно проверять. Кейс отпирает замки. Дверь открывается на положенные восемь сантиметров и натывается на стол. Снаружи в образовавшуюся щель нельзя даже заглянуть. Безопасность периметра обеспечена. Она запирает дверь и накидывает цепочку.

«Кубик» выдает на экран предупреждение, что его выключили неожиданно. Кейс подходит, садится на ковер и нажимает «ОК». Компьютер загружается; она открывает браузер и еще раз убеждается, что азиатские шлюхи никуда не делись. Подавив волну брезгливости, Кейс решительно тычет в них курсором.

К ее немалому облегчению, на сайте нет ни пыток, ни убийств, ни даже грубых извращений. По заслугам азиатские шлюхи получают не что иное, как толстые «болты» во все отверстия. Причем «болты», в соответствии с канонами сугубо мужской порнографии, показаны абстрактно, вне привязки к живым телам, словно это не человеческие органы, а наконечники механических манипуляторов.

Закрыв страницу, Кейс вынуждена еще какое-то время сражаться с рекламными окошками, не преминувшими воспользоваться случаем; некоторые из них на быстрый взгляд содержат кое-что похуже азиатских шлюх.

Теперь в истории браузера шлюхи представлены дважды, перед Ф: Ф:Ф и после. Типа чтоб не сомневалась.

Кейс пытается вспомнить, какой этап в рассказах отца следовал за обеспечением безопасности периметра. Наверное, поддержание нормального жизненного цикла. Психологическая профилактика. Да, именно так он это называл. Займись обычными делами. Сохраняй присутствие духа. Сколько раз за последний год ей приходилось прибегать к этому приему?

Она прикидывает, чем сейчас можно отвлечься, – и вспоминает о форуме и десятках непрочитанных постов, в которых обсуждается новый фрагмент. Вот этим она и займется: вскипятит чаю, почистит апельсин и начнет штудировать набежавшие посты, сидя по-турецки на ковре. А потом спокойно подумает, как поступить с азиатскими шлюхами и Доротеей Бенедитти.

Кейс не впервой использовать форум в качестве защитного фильтра. Пожалуй, только в этом качестве она его и использует. Инструмент для отсечки. Все, что не связано с фрагментами, отсекается. Проблемы, новости, весь окружающий мир.

Наливая в чайник воду, она снова вспоминает голос отца, перипетии его московской миссии.

В глубине души Кейс всегда болела за шпионские устройства КГБ. Ей хотелось, чтобы они обошли хитроумную отцовскую защиту и проникли в посольство. Она представляла, как маленькие механические субмарины, изящные, словно яйца Фаберже, поднимаются по канализационным трубам и всплывают в посольских унитазах, жужжа заводными моторчиками. Иногда ей делалось стыдно: ведь работа отца, которой он так гордился, заключалась как раз в том, чтобы не пускать их в унитазы. Впрочем, оставалось неясным, какую угрозу несут забавные плавающие игрушки.

На кухне свистит чайник.

Устроившись перед «Кубиком», будто на пикнике, Кейс заходит на Ф: Ф:Ф. Новых постов действительно много, причем многие из них далеко не безобидны. Страсти уже начали накаляться.

Мама Анархия опять сцепилась с Капюшончиком.

Капюшончик фактически является спикером фракции «сборщиков». Эти ребята уверены, что найденные фрагменты представляют собой части еще не снятого фильма, которые автор выкладывает в Сеть по мере их завершения.

Их противники – фракция «разбивщиков», составляющая крикливое меньшинство. «Разбивщики» придерживаются иного мнения. Они убеждены, что фильм уже снят и смонтирован, а фрагменты вырезаются из готовой ленты и подбрасываются в произвольном порядке. Мама Анархия – законченный «разбивщик».

Для многих участников форума спор давно превратился в богословский, но Кейс смотрит на дело проще. Если фрагменты нарезаны из уже снятого фильма, значит все фрагментчики стали жертвами одного из самых изощренных издевательств, когда-либо придуманных человеком.

Фрагментчики-основатели, которые нашли и связали друг с другом первые кусочки, были безусловными «разбивщиками». Им казалось очевидным, что за всем стоит какой-нибудь вредный талантливый студент, выбросивший в интернет куски своей дипломной короткометражки. Однако число фрагментов продолжало расти, а их неизменное качество все убедительнее свидетельствовало против авторского дилетантизма, и постепенно большинство фрагментчиков начало склоняться к мысли, что им показывают свежие монтажные куски нового, еще не доснятого полнометражного фильма. Выдающаяся, ни на что не похожая красота операторской работы говорила о том, что в распоряжении таинственного автора находятся весьма серьезные ресурсы, даже если большая часть видеоряда смоделирована на компьютере. В то же время ни в Сети, ни в рекламных анонсах не было никаких упоминаний о кинопроекте такого масштаба.

Капюшончик первым высказал идею о «Кубрике-самоучке». Это произошло вскоре после того, как Айви создала и запустила сайт Ф: Ф:Ф, сидя в своей сеульской квартире. Идея Капюшончика пришлась по душе как «сборщикам», так и «разбивщикам», и даже Мама Анархия скрепя сердце взяла на вооружение термин «Кубрик-самоучка», несмотря на идеологическую неприязнь к его автору. Представим себе, говорил Капюшончик, что фрагменты создает в ночи непризнанный гений-одиночка, имеющий доступ к студийным мощностям. Представим, что в силу каких-то причин он держит работу в тайне, а декорации и героев моделирует на компьютере, от начала и до конца... Обе партии фрагментщиков считают, что такая гипотеза имеет право на жизнь. Только «разбивщики» добавляют, что фильм, разумеется, уже создан, а «сборщики» возражают, что «Кубрик-самоучка» просто выкладывает в сеть свежеспеченные куски.

Впрочем, сейчас предмет конфликта в другом. Капюшончик опять наорал на Маму Анархию за ее склонность к цитированию Бодрийяра¹⁰ и других французских постмодернистов, которых он люто ненавидит. Вздохнув, Кейс нажимает «ответ» и делает Капюшончику стандартный выговор.

Не стоит забывать, что наш сайт существует только благодаря безграничному терпению и энтузиазму Айви, которая, как и большинство из нас, не одобряет грубых ссор на Ф: Ф:Ф. Айви наша хозяйка, а мы у нее в гостях, поэтому давайте вести себя прилично – если не хотим, чтобы нас всех выставили за дверь.

Она отправляет пост и видит, как в списке появляется заголовок:

Не надо рвать рубаху. КейсП.

Капюшончик ее друг, он не станет обижаться. На форуме у Кейс такая негласная обязанность: одергивать Капюшончика, когда тот начинает задираться, что случается довольно часто. Айви и сама могла бы с ним управиться, но она занятая женщина, работает в сеульской полиции и не всегда находит время заниматься модерацией.

Кейс обновляет страницу. Ответ уже появился.

Ты где? (-)

В Лондоне, работаю. (-)

Все это очень успокаивает; лучшей психологической профилактики не придумаешь.

Звонит телефон. Дурацкие зазеркальные звонки, которые и в хорошие минуты ее пугали. После минутного колебания она берет трубку:

– Алло?

– Кейс, здравствуйте, это Бернад. – Голос Стоунстрита. – Мы с Еленой приглашаем вас на ужин.

– Спасибо, Бернад, – она смотрит на стол, подпирающий дверь, – но я что-то неважно себя чувствую.

– Что, временная разница? Ну вот, как раз попробуете таблетки Елены.

– Бернад, спасибо, я...

– Губерт тоже будет. Он хотел с вами поговорить. Расстроится, если вы не придете.

– У нас же встреча в понедельник.

– Завтра он улетает в Нью-Йорк, в понедельник его не будет.

Это одна из тех ситуаций, в которых британцы, поднявшиеся в искусстве пассивного давления почти так же высоко, как в искусстве иронии, всегда добиваются своего. Если она сейчас

¹⁰ Жан Бодрийяр (1929–2007) – французский философ-постмодернист и культуролог.

покинет квартиру, то безопасность периметра будет нарушена. С другой стороны, контракт с «Синим муравьем» составляет добрую четверть ее годового заработка.

– Критические дни, Бернард. Извините за прямоту.

– Тогда вы тем более должны прийти! У Елены есть отличные таблетки – как раз для этого.

– Вы что, пробовали?

– Что пробовал?

Кейс сдается. Любое общение с людьми сейчас пойдет на пользу.

– Где мы встречаемся?

– Моя квартира в Доклендсе, в семь часов. Форма одежды обычная. Я закажу вам машину. Рад, что вы согласились! До свидания.

Стоунстрит отключается. Такой внезапной манере вешать трубку он, без сомнения, научился в Нью-Йорке. В зазеркалье существует очень тонкий ритуал окончания телефонного разговора, сложная последовательность вопросов и пожеланий, которую Кейс так и не смогла освоить.

Психологическая профилактика пошла насмарку.

Десять минут спустя, набрав в поисковике «металлоремонт, север Лондона», она звонит в контору под названием «Замки и двери как в тюрьме».

– Вы, случайно, в субботу не работаете? – спрашивает она с надеждой.

– Семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, – отвечает мужской голос.

– Но вы, наверное, не сможете приехать прямо сейчас?

– Где вы живете?

Она говорит ему адрес.

– Буду через пятнадцать минут.

– А карточку «Виза» принимаете?

– Принимаем.

Кейс вешает трубку и осознает, что этим звонком затерла номер Доротеи. Правда, непонятно, как извлечь его из телефона, но это была единственная улика, не считая азиатских шлюх. Для проверки она нажимает повторный набор и попадает на человека из «Замков и дверей как в тюрьме».

– Извините, случайно нажала повтор.

– Ровно через четырнадцать минут, – говорит он, словно оправдываясь.

Его фургон приезжает через десять.

Еще через час Дэмиенова дверь обзаводится двумя новыми, очень дорогими немецкими замками. Ключи скорее напоминают детали суперсовременного автоматического пистолета. «Кубик» снова водружен на стол, на привычное место. Замок на подъезде она менять не стала: некоторые из соседей Дэмиена с ней даже не знакомы.

Так. Ужин с Бигендом. Кейс вздыхает и идет переодеваться.

* * *

Машина «Синего муравья» поджидает у дверей. Кейс выходит; новые ключи висят на шее на черном шнурке. Запасной комплект она спрятала за микшерным пультом на втором этаже.

Уже стемнело, начинает моросить.

Садясь в машину, Кейс думает, что дождик приостановит «крестовый поход детей», заставит их искать укрытия под гигантскими пластилиновыми сапогами и самолетами, а снаружи останется лишь мокрая шеренга уличных фонарей, оснащенных камерами наблюдения.

Кейс устраивается на заднем сиденье и спрашивает у водителя, худенького опрятного африканца, есть ли метро там, куда они едут.

– Да, станция «Боу-роуд», – отвечает тот.
Такой станции она не знает.

Затылок водителя аккуратно подстрижен, в верхнем полукружье правого уха торчит ниобеивая серьга. Снаружи проплывают вывески магазинов, обесцвеченные сумерками и дождем.

То, что Стоунстрит называет обычной формой одежды, для Кейс скорее попадает в категорию парадной, поэтому в состав ПК включена «типа юбка», как говорит Дэмиен. Длинный узкий цилиндр из черного джерси, подшитый с обоих концов. Тесновато, но достаточно удобно. Подчеркивает линию бедер, подворачивается на любую длину. А также: черные чулки, черный кардиган, с которого маникюрными ножницами спорот ярлык *DKNY*, и старомодные черные лодочки, купленные в Париже в магазинчике винтажной одежды.

Кейс вдруг испытывает острое желание проехаться на парижском метро – и вспоминает неподражаемое изящество, с каким француженки умеют повязывать шарфик. Мечты о дальних странах – признак нормализации уровня серотонина. А может, стремление унести подальше от азиатских шлюх, без спроса забравшихся в браузер?

Непонятно, как подступиться к внезапно вспухшей проблеме по имени Доротея, о существовании которой она еще вчера не имела понятия. Кейс в который раз безуспешно пытается вспомнить, чем и когда могла насолить этой женщине.

У Кейс практически нет врагов, хотя определенные аспекты ее профессии чреваты конфликтными ситуациями. Например, консультации, подобные вчерашней, когда ее задача сводится к приговору типа «да – нет». «Нет» может привести к расторжению крупных контрактов, люди могут потерять работу. Один из ее клиентов даже вынужден был распустить целый отдел. Но такое случается крайне редко. Большую часть рабочего времени она проводит на улице, разведывая новые тенденции. Иногда ее приглашают выступить с лекцией перед прилежным отрядом администраторов-новобранцев. Все это достаточно безобидно и вряд ли способно породить конфликты.

Мимо с рычанием проплывает красный двухэтажный автобус. Скорее, не зазеркальный объект, а реквизит диснеевского Лондонленда. На боку приклеен плакатик – стоп-кадр из последнего фрагмента. Поцелуй. Уже успели.

Кейс вспоминает: нью-йоркское метро, час пик, апогей истории с сибирской язвой. Она как раз прошептала утиное заклинание – и вдруг заметила маленький квадратик, приколотый к лацкану изможденной негритянки. Стоп-кадр из нового фрагмента, который Кейс еще не видела. Утка потребовалась, чтобы отогнать навязчивую фантазию: террорист бросает на рельсы колбы со спорами сибирской язвы. Отец рассказывал про секретные испытания, проведенные в 1960 году. Они показали, что зараза разлетится по туннелям от Четырнадцатой до Пятьдесят девятой улицы всего за пару часов.

Негритянка поймала ее взгляд и сдержанно кивнула, приветствуя единомышленника. Кейс сразу стало легче, внутренняя чернота расступилась от осознания, что в мире их очень много, гораздо больше, чем она могла предположить. Движение-невидимка.

Число фрагментчиков продолжает расти, хотя ведущие СМИ по-прежнему игнорируют это явление. Кейс не возражает – пусть игнорируют. Попытки популяризации, конечно, были, но тема всякий раз соскальзывала с журналистских вилок, как вареная макаронина. Феномен фрагментов проникает в общество незаметно, будто ночная бабочка, под носом у неповоротливых медийных радаров. Бесплотный призрак. Своеобразный «черный гость» – термин Дэмиена, заимствованный у китайских хакеров.

Популярные телешоу, специализирующиеся на поп-культуре и загадочных явлениях, пару раз упомянули о таинственных видеоклипах и даже пустили в эфир несколько убого смонтированных последовательностей, но общество осталось равнодушным, и только Ф: Ф:Ф откликнулся на эти компиляции коротким всплеском саркастических постов. Надо же было додуматься – засунуть номер 23 перед номером 58!

Ряды фрагментчиков растут спонтанно, за счет личных контактов либо через случайные столкновения с каким-нибудь из фрагментов.

Кейс встретила со своим первым фрагментом в позапрошлом ноябре, после вечеринки в галерее «Нолита», выйдя из общего туалета, в котором случился потоп. Прикидывая, как обеззаразить подошвы туфель, не притрагиваясь к ним голыми руками, она вдруг заметила небольшую группу: двое рядом с третьим, который держал в руках переносной DVD-плеер. Группа напоминала волхвов с дарами.

На экране дарохранительницы мелькнуло некое лицо; Кейс машинально остановилась и вытянула шею. Пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть изображение.

– Что это? – спросила она.

Девушка в капюшоне обернулась. Колкий взгляд, заостренный птичий нос, блестящий шарик стального гвоздика под губой.

– Фрагменты.

Так началась новая жизнь. Кейс покинула галерею, сжимая в кармане бумажку с адресом сайта, где были собраны все найденные к тому времени фрагменты.

Впереди, в мокром вечернем полумраке, начинает пульсировать голубой крутящийся свет. Словно сказочный маяк, предупреждающий о водовороте.

Они медленно ползут по крупной магистрали: плотное движение в несколько рядов, на грани пробки. Машина останавливается, сзади тут же подпирают. Водитель чуть подает вперед.

Это авария. Они тихо проезжают мимо, и Кейс разглядывает желтый мотоцикл, лежащий на боку. Передняя вилка неестественно выгнута. Рядом стоит другой мотоцикл – очевидно, служба спасения. У него на мачте вертится голубая мигалка. Чисто зазеркальная концепция – экипаж, способный пробраться к месту аварии сквозь любые пробки.

Спасатель в кожаной куртке *Belstaff* с широкими отражающими полосами стоит на коленях перед лежащим мотоциклистом. Рядом валяется шлем. Шея мотоциклиста зафиксирована в пенопластовом воротнике, спасатель держит у его лица переносную кислородную маску с баллончиком. Сзади раздается настойчивое уханье, – наверное, пробивается машина «скорой помощи». На секунду перед Кейс мелькает лицо пострадавшего: подбородок спрятан под маской, дождь капает на закрытые глаза. Ей представляется душа этого бедняги, которая сейчас томится в унылом коллекторе на грани двух миров. Или просто на краю всепожирающей бездны.

Трудно понять, с чем столкнулся бедняга, почему упал. Может, сама дорога, по которой он ехал, вдруг изогнулась и сбросила его? Роковой удар часто получаешь, откуда не ждешь.

* * *

– Раньше здесь была спичечная фабрика, – рассказывает Стоунстрит.

Они стоят на втором ярусе просторного двухэтажного лофта. Глянцевый темный паркет упирается в стеклянную стену, за которой виден широкий балкон. Свечи в подсвечниках.

– Мы подыскиваем что-нибудь другое, – добавляет Стоунстрит. На нем мятая черная рубашка, манжеты расстегнуты. Домашняя вариация образа непроставшегося кутилы. – Это не Трайбека.¹¹

Да, мысленно соглашается Кейс. Ни по площади, ни по объему.

– Губ на мостике. Только что приехал. Хотите что-нибудь выпить?

– А почему Губ?

– Ну, он же в Хьюстон летал, – подмигивает Стоунстрит.

¹¹ Трайбека – микрорайон в Нижнем Манхэттене; когда-то здесь располагались склады и магазины, сейчас один из самых дорогих районов в мире по аренде жилья.

– Тогда уж Губби. Они его, наверное, так и звали за глаза.

Губби Бигенд, Кубарец.

У Кейс к Бигенду неприязнь чисто личного свойства, хотя и не из первых рук: с ним встречалась одна из ее нью-йоркских подружек. Старые добрые времена. Марго – так звали подругу. Марго из Мельбурна. Она почему-то называла своего избранника «Кубарец». Сначала Кейс думала, что это как-то связано с его прямоугольной внешностью, но однажды Марго открыла секрет. Кубарец – это аббревиатура краткой характеристики Бигенда: куча бабок, редкий циник. Их роман какое-то время процветал; постепенно, ближе к концу, отношения усложнились и вышли далеко за рамки краткой характеристики.

По просьбе Кейс Стоунстрит подходит к влажной стойке, высеченной в гранитном кухонном острове-монолите, и готовит большой стакан газированной воды со льдом и с лимонной корочкой.

На одной из стен висит триптих японского художника, имени которого Кейс не помнит. Три большие, в человеческий рост, деревянные панели, покрытые многослойной шелкографией. Перекрещивающиеся изображения фирменных знаков вперемешку с большеглазыми девочками манга. Каждый слой отшлифован до полупрозрачности и покрыт лаком, а поверх наложен следующий, который тоже отшлифован и покрыт лаком. И так много раз. Эффект необычный, очень мягкий и глубокий, поначалу даже успокаивающий, но чем дольше Кейс смотрит, тем отчетливее шевелится внутри необъяснимая паника.

Она переводит взгляд на стеклянную стену и замечает Бигенда, который стоит на балконе, опираясь руками на блестящие мокрые перила. На нем длинный плащ и настоящая ковбойская шляпа.

* * *

– Интересно, что о нас будут думать потомки? – внезапно спрашивает Бигенд.

Стол у них сугубо вегетарианский, но этот человек выглядит так, будто ему в вену только что впрыснули чудовищную дозу экстракта сырого мяса. Румяные лоснящиеся щеки, сверкающие зрачки. Не хватает только пушистого хвоста.

Разговор до сих пор тек весьма нейтрально, без упоминания Доротеи или «Синего мурavyя», и это Кейс вполне устраивает.

Елена, жена Стоунстрита, только что закончила рассказ о применении экстракта бычьих нервных клеток в современной косметике. Перед этим она, тыча вилкой в фаршированный баклажан, сообщила, что коровье бешенство – расплата за принуждение травоядных к противоестественному каннибализму, то есть пожиранию мясо-костной муки из себе подобных.

Бигенд любит подбрасывать острые вопросы в скучную беседу. Он их кидает, как колючки под колеса. Можно обрулить, а можно наехать, порвать покрышки, нестись дальше со скрежетом на ободах. Сегодня он принялся это делать, как только сели за стол, – то ли потому, что он начальник, то ли ему действительно скучно: меняет темы равнодушно и безжалостно, как переключают каналы, когда не идет ничего интересного.

– Они вообще не будут о нас думать, – отвечает Кейс, наезжая на колючку. – Не больше, чем мы думаем о викторианцах. Я имею в виду, конечно, не знаменитостей, а простые души.

– Наверное, они будут нас ненавидеть, – вставляет Елена, вглядываясь прекрасными глазами в туманные образы грядущих энцефалопатических химер.

Сейчас она похожа на экзальтированную героиню сериала «Архив 7», которая занималась перекодировкой людей, похищенных инопланетянами. Кейс когда-то посмотрела одну серию, потому что ее знакомый снялся там в эпизодической роли работника морга.

– Души? – переспрашивает Бигенд, пристально глядя на Кейс и пропуская мимо ушей реплику Елены.

Бигенд говорит по-английски очень чисто, с какой-то механической правильностью. Впечатление жутковатое, как будто слушаешь вокзальные объявления по громкоговорителю, хотя громкость тут ни при чем.

Кейс выдерживает его взгляд, тщательно пережевывая последний кусок фаршированного баклажана.

– Разумеется, мы не можем представить, как будут выглядеть наши потомки, – говорит Бигенд. – И в этом смысле у нас нет будущего. В отличие от наших предков, которые верили, что оно у них есть. Наши прадедушки могли спрогнозировать мир будущего, исходя из того, как выглядело их настоящее. Но сейчас все изменилось. Развернутые социальные прогнозы – для нас недоступная роскошь; наше настоящее стало слишком кратким, слишком подвижным, и прогнозы на нем не могут устоять. – Он улыбается, как Том Круз, страдающий переизбытком белоснежных крупных зубов. – Мы не ведаем будущего, мы только оцениваем риски. Прокручиваем различные сценарии. Занимаемся распознаванием образов.

Кейс моргает.

– А прошлое у нас есть? – спрашивает Стоунстрит.

– История – произвольная фантазия на тему, где и что случилось, – отвечает Бигенд, прищурившись. – Что и когда изобрели, что открыли, кто выиграл, кто проиграл. Кто мутировал, а кто вымер.

– Будущее есть, – неожиданно для себя говорит Кейс, – и оно за нами наблюдает. Потомки всматриваются в нас. И в то, что было до нас. Они пытаются понять, на чем стоит их мир. Хотя с их точки зрения наше прошлое совсем не похоже на то, что мы называем нашим прошлым.

– Вы говорите, как гадалка. – Вспышка белых зубов.

– В истории есть лишь одна постоянная, – продолжает Кейс. – Это ее изменчивость. Прошлое все время меняется. Сегодняшняя версия прошлого будет интересовать наших потомков не больше, чем нас интересует прошлое, в которое верили викторианцы. Для будущего наши исторические теории не имеют значения.

Кейс сейчас вольно цитирует Капюшончика, его мысли в споре с Кинщиком и Морисом. Пытается ли автор фрагментов передать атмосферу какого-то исторического периода? Или, наоборот, подчеркнуто избегает хронологических деталей, чтобы выразить свое отношение ко времени, к неактуальности прошлого?

Теперь очередь Бигенда задумчиво жевать, разглядывая Кейс.

* * *

У него бордовый «хаммер» с левым рулем и бельгийскими номерами. Но не типичный приплюснутый суперджип с хроническим тонзиллитом, а последняя, более компактная модель, которая выглядит почти столь же нагло и угрожающе. Салон у новой модели неудобный, несмотря на мягчайшую кожаную обивку. Единственное, что нравилось Кейс в старых «хаммерах», – это огромный, словно лошадиная спина, короб трансмиссии, разделяющий водителя и пассажира. Правда, это было еще до того, как армейские «хамви» сделались привычной деталью нью-йоркского дорожного пейзажа.

Стандартный «хаммер» всегда воспринимался как машина, мало подходящая для свиданий, однако в новой модели Кейс сидит ближе к Бигенду – разделительный горб здесь поуже. Бигенд положил на него свою ковбойскую шляпу стетсон. В Англии водитель должен сидеть справа, и Кейс постоянно давит на воображаемый тормоз, реагируя на зазеркальное движение. Она пытается удержаться от этих движений, вцепившись в папку «Штази».

Бигенд твердо заявил, что не позволит ей ехать на такси, а тем более пользоваться томи-тельным гостеприимством неторопливого лондонского метро. О том, чтобы снова вызвать фирменную машину с опрятным водителем, он почему-то даже не упомянул.

Дождь прекратился, и воздух прозрачен как стекло.

Они мчатся по объездной; мимо пролетают указатели на Смитфилд. Это где-то рядом с рынком.

– Заедем в Клеркenuэлл, выпьем по стаканчику, – сообщает Бигенд.

7

Предложение

Бигенд паркует «хаммер» на ярко освещенной улице. Очевидно, это и есть Клеркенуэлл. Никаких примечательных деталей, обычный лондонский район. Магазины довольно невзрачны, фасады жилых домов недавно обновлены. Чем-то похоже на Трайбеку – не то что Стоунстритова спичечная фабрика.

Открыв бардачок, Бигенд извлекает пластиковый квадрат размером с зазеркальный номерной знак и кладет его на переднюю панель. На квадрате большие буквы «ЕС», изображение британского льва и номер машины.

– Разрешение на парковку, – объясняет он.

Кейс выходит из машины и видит, что они стали у бордюра, покрашенного желтым. Неужели у Бигенда настолько крутые связи?

Тот нахлобучивает коричневый стетсон, захлопывает дверь, нажимает кнопку на брелоке. «Хаммер» дважды мигает фарами и издает короткое мычание. Сигнализация. Хочется ли проходим потрогать эту машину, похожую на огромную дорожную игрушку? Позволяет ли она к себе прикасаться?

Две минуты ходьбы до места. Бар-ресторан, намеренно отделанный так, чтобы как можно меньше напоминать бар-ресторан. Свет из окон наводит на мысли о перегоревших матовых лампочках, о тенях вольфрамовых нитей, напыленных на стекло. Ритмично бухает музыка.

– Бернارد о вас очень хорошо отзывается.

Голос у Бигенда внятный, как у экскурсовода в музее. Странное, завораживающее чувство.

– Спасибо.

Кейс с порога оглядывает плотную толпу. Сразу видно, что это место из разряда старомодных, для любителей белого порошка. Слишком широкие улыбки, плоские стеклянистые глаза. Картинки из юности.

Бигенд мгновенно получает свободный столик – кому-нибудь другому это вряд ли бы удалось, – и Кейс вспоминает, как ее нью-йоркская подруга признавалась в одном несомненном плюсе времяпровождения с Кубарцем: никогда не приходится ждать. Непохоже, чтобы его здесь знали; просто работает особая манера держаться, невидимая авторитетная татуировка, действующая на определенный тип людей. Одежда тут ни при чем: на нем ковбойская шляпа, светло-коричневый плащ охотничьего покроя, серые фланелевые брюки и казаки *Tony Lama*.

Официантка принимает заказ: «Пильзнер» для Кейс, койтейль «Кир» для Бигенда. Они сидят за круглым столиком; посередине мерцает масляная лампа с плавающим фитилем. Бигенд снимает стетсон, словно обычную фетровую шляпу; движение сразу выдает в нем бельгийца до мозга костей.

Напитки появляются как по волшебству. Бигенд сразу же расплачивается, вынув новую двадцатифунтовую банкноту из толстого кошелька, набитого крупными купюрами евро. Официантка наливает пиво в стакан. Бигенд оставляет сдачу на столе.

– Не устали? – спрашивает он, поднимая стакан.

– Временная разница. – Она машинально с ним чокается.

– Вы знаете, что длинные перелеты приводят к сжатию лобных долей? Физически, так что видно на томографе.

Кейс отхлебывает пиво, морщится. Потом отвечает:

– Нет, просто душа не может летать так быстро. Она отстаёт, прибывает с задержкой.

– Сегодня вы уже говорили про душу.

– Правда?

– Да. Вы верите, что есть душа?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю. – Он делает глоток. – Значит, вы не поладили с Доротеей?

– Кто вам сказал?

– У Бернарда возникло такое чувство. С ней мало кто может поладить. Трудная женщина. Кейс внезапно вспоминает о папке «Штази» на коленях. Одна сторона папки перевешивает: перед уходом Кейс неизвестно зачем положила туда импровизированный кастет – Дэминову кибердеталь.

– В самом деле?

– Да. Особенно если заподозрит, что вы хотите присвоить то, что принадлежит ей.

Зубов у Бигенда стало еще больше; они размножаются, как метастазы, уже не помещаются во рту. Влажные от коктейля губы выглядят кроваво-красными в тусклом свете. Он откидывает прядь со лба. Кейс врубает сексуальную защиту на максимум; двусмысленные комментарии начинают ее нервировать. Неужели дело в том, что Доротея считает ее соперницей? Неужели она стала объектом вождения Бигенда? Жутковатая перспектива. По словам подруги, поразительная донжуанская настойчивость этого человека сочетается с крайним непостоянством.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, Губерт.

– Лондонский филиал. Она думает, что я собираюсь предложить вам должность директора лондонского филиала.

– Но это же абсурд!

Огромное облегчение. Во-первых, действительно абсурд. Кейс не тот человек, которого захотят назначить директором чего-либо. Она чрезвычайно узкий специалист, свободный художник, ее нанимают для решения строго определенных разовых задач. У нее практически никогда не было постоянной работы. Она живет исключительно на гонорары и начисто лишена управленческих навыков. А во-вторых – и это главная составляющая облегчения, – секс тут, слава богу, ни при чем. По крайней мере, Бигенд так утверждает. Его глаза по-прежнему пристально изучают ее, завораживают, словно пытаются куда-то увлечь.

– Доротее просто не понравилось, что я обратил на вас внимание. – Бигенд поднимает стакан, допивает до дна. – Она давно хотела работать в «Синем муравье», метила на место Бернарда. Собиралась уволиться из «Х и П» – еще до того, как мы начали с ними работать.

– Даже не верится, – говорит Кейс, пытаясь представить Доротее на месте Стоунстрита. – Она ведь не из тех, кто любит работать с людьми.

Еще бы. Свихнувшаяся стерва, прожигательница курток и квартирная взломщица.

– Да, я знаю. У нее вряд ли получится. К тому же с Бернардом я работаю много лет, сам его нанимал. И очень им доволен. Вообще, Доротея вряд ли переживет предстоящие перемены.

– Какие перемены?

– Рекламный бизнес будет сокращаться, как и многие другие. Останутся только лучшие игроки, действительно нужные люди. Профессионального жаргона и крутого выражения лица уже мало.

Кейс и сама слышит рокот приближающихся порогов и даже порой задумывается: удастся ли сохранить свою специальность, донести ее до спокойной воды на той стороне?

– Любый умный человек должен это понимать, должен готовиться, – продолжает Бигенд, глядя ей в глаза.

Кейс решает поиграть в его игру, подбросить ему колючку под колеса:

– Губерт, этот последний контракт... зачем он вам? Зачем переделывать эмблему преуспевающего концерна? Это же один из крупнейших в мире производителей кроссовок. Кто продал эту идею, вы или они?

– Я никогда и ничего не продавливаю. Не мой стиль. Мы с клиентом просто вступаем в диалог, и в процессе диалога рождается некий путь. И это совместное решение уже ничем не изменишь. Даже грубым давлением чьей-либо творческой воли.

Его взгляд становится очень серьезным; Кейс буквально бросает в дрожь. Она надеется, что со стороны это не очень заметно. Самому Бигенду, наверное, и в голову не приходит, что грубому давлению его воли можно сопротивляться.

– Все дело в готовности, в предвосхищении перемен, – говорит он. – Я просто направляю клиента туда, куда все и так движется. Знаете, что самое интересное в Доротее?

– Что?

– Какое-то время она работала в одном очень специализированном агентстве в Париже. Хозяин агентства – отставной французский разведчик довольно высокого ранга. В прошлом он выполнял деликатные правительственные поручения в Германии и в Соединенных Штатах.

– Так она... шпионка?!

– Промышленный шпионаж. Правда, в наше время это звучит несколько старомодно. Думаю, она сохранила кое-какие связи. Знает, куда позвонить, если потребуются определенного рода услуги. Но шпионкой я бы ее не назвал. Меня занимает другое: на самом деле их бизнес зеркально противоположен нашему.

– Вы имеете в виду – рекламному?

– Да. Моя задача – донести до людей информацию, которую они уже знают, хотя сами того еще не поняли. Или, по крайней мере, намекнуть. Как правило, этого достаточно. Просто показать им примерное направление, и они самостоятельно до всего дойдут, понимаете? И будут верить, что обошлись без посторонней помощи. Я даю только рекомендации общего характера, без конкретных деталей.

Кейс пытается связать это с тем, что знает о рекламных кампаниях «Синего муравья». Какой-то смысл в его словах есть.

– Но в бизнесе, которым занималась Доротея, – продолжает Бигенд, – все по-другому. Там, наоборот, все крутится вокруг информации о конкретных деталях. По крайней мере, мне раньше так казалось.

– А на самом деле?

– На самом деле не всегда. Часто их деятельность сводится к примитивному черному пиару. Конкурентов просто обливают грязью. Малоинтересное занятие.

– Однако вы же думали о том, чтобы ее нанять.

– Да, думал. Правда, не на ту роль, которой она добивалась. А недавно мы вообще дали понять, что не заинтересованы в ее услугах. И теперь она сильно разозлится, если заподозрит, что на ее место собираются взять вас.

Чего он хочет? Может, рассказать ему про куртку, про азиатских шлюх? Нет, не стоит. Кейс ему совсем не доверяет. Доротея – бывшая промышленная шпионка? А Бигенд, выходит, собирался предложить ей работу. Или только говорит, что собирался. А сейчас якобы уже не собирается? Все это может быть ложью.

– Ну что ж, – Бигенд слегка наклоняется вперед, – рассказывайте, я жду.

– Рассказывать? О чем?

– Поцелуй. Что вы о нем думаете?

Кейс мгновенно понимает, что за поцелуй он имеет в виду. Но внезапное превращение Бигенда во фрагментчика требует столь радикальной смены контекста, что несколько секунд она просто сидит и слушает музыку, на которую до сих пор практически не обращала внимания. Диафрагма слегка пульсирует в такт низким частотам. За соседним столиком кто-то смеется. Женский смех.

– Какой поцелуй? – спрашивает она на рефлекс.

В ответ Бигенд лезет в карман плаща и выкладывает на стол щегольской серебристый портсигар, который оказывается титановым DVD-плеером. Плеер открывается сам по себе; Бигенд поворачивает его, трогает кнопку, и на экране возникает фрагмент номер 135. Кейс просматривает клип до конца, потом поднимает глаза.

– Вот этот поцелуй, – говорит Бигенд.

– Что именно вы хотите узнать? – Попытка выиграть время.

– Я хочу узнать ваше мнение: насколько важен этот фрагмент по сравнению с предыдущими.

– Но как мы можем судить об относительной важности фрагментов? Мы же не знаем их сюжетной последовательности.

Бигенд выключает плеер, убирает его в карман:

– Я говорю не о сюжете, а о порядке появления.

Кейс не привыкла так думать о фрагментах, хотя этот подход ей знаком. Она уже догадалась, куда Бигенд клонит, однако продолжает прикидываться дурочкой:

– Но ведь фрагменты не появляются в логическом порядке. Их последовательность либо случайна...

– Либо тщательно продумана, чтобы создать иллюзию случайности. Дело не в этом. А в том, что я впервые встречаю столь эффективный механизм подпольного маркетинга. Я отслеживаю посещаемость на сайтах энтузиастов, анализирую динамику – где и как эта тема упоминается в Сети. Темпы распространения просто поразительны. Ваша корейская подруга...

– Откуда вы знаете?

– Мои люди постоянно наблюдают за сайтами, где упоминаются фрагменты. Кстати, ваши высказывания – один из самых ценных источников информации. Активистов не так уж много; несложно догадаться, что вы и есть «КейсП». Поймите, ваш интерес к фрагментам – достояние общественности. А значит, вы фактически участвуете в создании новой субкультуры.

К мысли, что Бигенд и его люди рыщут на Ф: Ф:Ф, еще предстоит привыкнуть. Форум стал для Кейс вторым домом, уютным, как гостиная старого друга, но она всегда помнила, что, по сути дела, это аквариум. Своеобразная текстовая трансляция, на которую может настроиться любой желающий.

– Губерт, – осторожно спрашивает она, – зачем вам это нужно?

Бигенд улыбается. Ему надо перестать так улыбаться. Если бы не эти зубы, его можно было бы назвать привлекательным. Интересно, существуют ли дантисты, специализирующиеся на косметическом уменьшении?

– Насколько искренен мой интерес, вы ведь это хотите спросить. Потому что сами увлечены совершенно искренне. Для вас фрагменты – серьезная страсть. Чтобы убедиться, достаточно почитать ваши посты. И именно в этом ваша ценность. Плюс еще ваш особый талант, необычная аллергия, укрощенная патология, которая сделала вас живой легендой современного маркетинга. Искренен ли мой интерес к фрагментам? Вы ведь знаете, моя страсть – маркетинг, реклама, стратегия пиара. Когда я впервые столкнулся с фрагментами, именно этот аспект меня привлек. Устойчивое, пристальное внимание людей к продукту, которого, возможно, даже не существует. Мог ли я спокойно пройти мимо? Мимо гениальнейшей, а главное, абсолютно новой рекламной выдумки еще совсем юного века?

Кейс наблюдает за пузырьками, бегущими сквозь почти нетронутый «Пильзнер». И пытается вспомнить, что говорят в интернете о корнях этого человека, об истории взлета «Синего муравья». Его отец – богатый брюссельский промышленник. Летние каникулы на вилле в Каннах, старая престижная школа в Англии. Потом учеба в Гарварде и дерзкий, но бесславный набег на Голливуд в качестве независимого продюсера. Потом таинственный период тихого бездействия где-то в глуши, в Бразилии. «Синий муравей» возник сначала в Европе, потом открылись филиалы в Лондоне и в Нью-Йорке.

Биографические факты, скупые обрывки таблоидных сплетен, странная связь с Марго, развитие которой Кейс наблюдала со стороны, хотя и в режиме реального времени, – все это надо увязать со столь неожиданно открывшимся интересом к фрагментам. Истинной причины этого интереса Кейс не понимает, но уже начинает о ней догадываться. И это ее тревожит.

Она смотрит ему в глаза:

– Вы думаете, на этом можно сделать хорошие деньги?

Взгляд Бигенда становится серьезным.

– Я за деньгами не гонюсь. Меня интересует совершенство.

Кейс видит, что он не лжет. Но от этого не легче.

– Губерт, куда вы клоните? В моем контракте написано, что я должна оценить дизайн фирменного знака. И все. Про фрагменты там ничего не написано.

– Пока что мы с вами просто болтаем, – произносит он тоном приказа.

– Не думаю. Вы вообще никогда просто так не болтаете.

Бигенд улыбается уже по-другому: меньше зубов и больше искренности. Судя по всему, эта улыбка означает, что Кейс удалось проникнуть сквозь первую линию обороны и теперь она уже не совсем посторонний человек. Она узнала его более интимную оболочку, образ странного, нечеловечески настырного мальчика-гения тридцати с лишним лет, рыщущего в рыночных дебрях юного века в поисках если не абсолютной правды, то хотя бы информации о движущих пружинах. Этот образ она уже встречала в некоторых статьях, в восторженных отзывах журналистов, купившихся на особую улыбку и прочие приемчики.

– Я хочу, чтобы вы его нашли.

– Его?..

– Автора.

– А почему именно его? Может, ее? Или их?

– Не важно. Автора. Я обеспечу вас всем необходимым. Работать будете не с фирмой «Синий муравей», а лично со мной. Мы будем партнерами.

– Но почему?

– Потому что я хочу узнать, кто он. Так же как и вы.

Тут он прав.

– А вам не приходило в голову, что если вы его найдете, то процесс может прерваться?

– А зачем ему знать, что мы его нашли?

Кейс открывает рот – и не находит что возразить.

– Вы думаете, мы одни хотим его отыскать? – продолжает Бигенд. – Подумайте, ведь сегодня реклама товара требует гораздо больше творческих ресурсов, чем производство. Не важно, кроссовки это или фильм. Именно поэтому я основал такую фирму – «Синий муравей». И с этой точки зрения человек, который создает фрагменты, – настоящий гений, без дураков.

* * *

Бигенд везет ее в Кэмден-таун. Или, по крайней мере, в направлении Кэмден-тауна. Они только что проехали поворот на Паркуэй и углубились в лабиринт улочек, окружающих Примроуз-Хилл. Это главная лондонская возвышенность, один из самых богатых районов, даже более престижный, чем Кэмден. Множество домов с мемориальными синими табличками, но по прогулкам с Дэмиеном Кейс может вспомнить только одну: «Здесь жила Сильвия Плат».¹² У знакомых Кейс была здесь небольшая мансарда. Продав ее, они смогли купить галерею в Санта-Монике, в двух шагах от Фрэнка Гери.¹³

¹² *Сильвия Плат* (1932–1963) – американская поэтесса и писательница, мастер исповедальной школы.

¹³ *Фрэнк Гери* (р. 1929) – знаменитый калифорнийский архитектор-деконструктивист родом из Канады.

Кейс чувствует себя неловко, происходящее ей не нравится. Она не знает, что думать о предложении Бигенда. Он переключил ее в один из тех режимов, которые ее последний психотерапевт называл «старыми привычками». Суть режима состоит в том, что она говорит «нет», но недостаточно уверенным тоном, и потом все равно продолжает слушать, в результате чего у оппонента появляется возможность постепенно подгрызать это «нет», незаметно для самой Кейс превращая его в «да». Ей казалось, что этот режим давно побежден, однако сейчас он снова включился.

Бигенд, ее безжалостный партнер в нелепом танце, искренне не может представить, чтобы кто-нибудь отказался выполнять его волю. Марго называла это качеством наиболее проблемным и в то же время наиболее эффективным аспектом его сексуальности: к объекту своего вожделения Бигенд подходит так, будто уже получил согласие на предложение переспать. Кейс только что обнаружила, что в бизнесе он ведет себя точно так же. Любая предстоящая сделка воспринимается им как уже заключенная. Если вы не решаетесь подписать с ним контракт, он заставляет вас поверить, что все уже подписано, только вы почему-то об этом забыли.

Его воля похожа на что-то липкое, аморфное, словно сгусток сырого тумана. Этот туман наползает, обволакивает, сковывает мысли и желания, и начинаешь поневоле двигаться вслед за ним.

– Вы не видели альтернативный монтаж последнего Лукаса?

«Хаммер» сворачивает, проезжает мимо рестораника, который выглядит удивительно по-ресторанному, будто его открыли только позавчера или недавно перестроили, чтобы привлечь новых клиентов. Свеженький симулякр, пугающий своим совершенством. Большие окна вымыты до идеальной прозрачности. Внутри мелькает силуэт рыжеволосой женщины в зеленом свитере и бокал, поднятый в приветственном тосте. Все исчезает, как сон. Машина с рычанием ныряет в темный переулок, пролетают спящие фасады жилых домов. Еще один поворот.

– Лукас – только начало. Почему-то решили взяться именно за него. Если так пойдет, то даже археологи не смогут восстановить оригинальные, классические сюжеты. – Руль влево, поворот, визжат шины. – Современные музыканты, которые посообразительней, выкладывают новые композиции в интернет, как пирожки на подоконник, в расчете на то, что люди их анонимно доработают. Девять редакций из десяти окажутся полным дерьмом, зато десятая может получиться гениальной. Причем совершенно бесплатной. Впечатление такое, что творческий процесс больше не ограничен рамками отдельно взятого черепа. Продукт любой деятельности является отражением чего-то еще.

– И фрагменты? – Кейс не может удержаться.

– В этом вся прелесть! Автор умудрился вырваться из порочного круга. Фрагменты можно монтировать как угодно, но их невозможно перемонтировать.

– Это только пока. Когда он закончит фильм, появится возможность альтернативного монтажа.

– Он? – ухмыляется Бигенд.

– Автор. – Она пожимает плечами.

– Вы уверены, что фрагменты – части какого-то одного фильма?

– Конечно! – Ни секунды колебания.

– Почему?

– Не могу рационально объяснить. Просто чувствую сердцем.

Ей самой странно, что она так выразилась.

– Сердце – это мышца, – назидательно говорит Бигенд. – То, что вы называете «чувствую», происходит в лимбической части вашего мозга, которая досталась в наследство от млекопитающих. Глубокий древний уровень, не признающий логики. Уровень, на котором работает реклама. А кора с извилинами тут ни при чем. То, что мы привыкли называть рассудком, – не что иное, как самоуверенный нарост, который совсем недавно появился на зверином мозгу.

А тот, в свою очередь, насажен на доисторический рептильный ствол. Современная культура пытается нас убедить, что все наше сознание заключено в коре, в этом тонком наросте. Но при этом забывают, что под наростом покоится здоровенный шмат звериного мозга – могучего и молчаливого, занятого своими древними делами. И именно там рождается желание покупать.

Кейс бросает на него быстрый взгляд. Сосредоточенное лицо, без тени улыбки. Возможно, его истинное лицо.

– Когда я создавал «Синего муравья», это было определяющим правилом. Хорошая реклама должна быть нацелена на древнюю, глубинную часть мозга, минуя речь и логику. Люди, которых я нанимаю, должны уметь работать на этом уровне, сознательно или бессознательно. Это главное условие. И такой подход себя оправдывает.

Кейс вынуждена согласиться: действительно оправдывает. «Хаммер» тормозит у подножия большого холма, поросшего травой. Мягкий свет зазеркальных фонарей. Дэмиен рассказывал легенду о местном Икаре, когда-то слетевшем отсюда – очень давно, еще до основания Римской империи. Деталей она не помнит. Этот холм всегда был священным местом, местом казней и жертвоприношений. В старые времена он назывался Гринберри. Друидское слово.

На сей раз Бигенд уже не выставляет разрешение на парковку, этот современный эквивалент средневековых городских вольностей. Хлопнув дверцей и плотно нахлобучив шляпу, он начинает бодро взбираться по склону холма. На секунду его фигура пропадает в полоске черноты между фонарями. Кейс идет за ним. За спиной отрывисто библикает включенная сигнализация. В этом весь Бигенд – вперед, к вершине, не оглядываясь на ковыляющих позади. Кейс пытается за ним угнаться, мысленно ругая себя за слабование. Дура, зачем ты ему позволяешь? Что может быть проще? Просто повернуться и уйти. Пешком добраться до дома, вдоль пустынной набережной, слушая плеск чернильной воды. Мимо темных шлюзов, мимо бомжей, пьющих сидр на лавочках. Но она продолжает карабкаться. Трава здесь выше, чем кажется на первый взгляд. Ноги уже промокли от росы. Совсем не городское ощущение.

На самой вершине – одинокая скамейка, и Бигенд сидит там, глядя вниз, на Темзу, на сказочные лондонские огоньки, мерцающие сквозь мутную дымку городских испарений.

– Скажите мне «нет», – говорит он, не оглядываясь.

– Что?

– Скажите «нет», откажитесь от моего предложения. Снимите тяжесть с души.

– С удовольствием. Нет.

– Подумайте до утра.

Кейс начинает хмуриться и вдруг понимает, что в ситуации есть определенный комизм. Бигенд намеренно, чуть ли не застенчиво дает понять: он прекрасно знает, что ведет себя шокирующе. Простой и весьма эффективный обезоруживающий приемчик.

– Что вы будете делать, если я найду автора?

– Еще не знаю.

– Станете его продюсером?

– Сомневаюсь. Люди еще не придумали названия для роли, которую я буду играть. Защитник, устраниватель проблем...

Он сидит чуть сторбившись, подняв плечи светло-коричневого плаща, словно бы вглядываясь в мерцающий Лондон. Но Кейс замечает, что на коленях у него DVD-плеер. Бигенд снова смотрит фрагмент с поцелуем.

– Вам придется обойтись без моей помощи.

Бигенд отвечает, не поднимая головы:

– Подумайте до утра. Иногда утром все выглядит по-другому. Я хочу, чтобы вы познакомились с одним человеком.

– Повернитесь. – Кейс снимает с него шляпу. – Вот, смотрите!

Она берет шляпу в левую руку, средний и указательный пальцы ложатся в углубление. Легким движением надевает ее, потом сбивает чуть набекрень, хлопнув по полям:

– Вот так. – Она смотрит на него, подбоченясь. – А снимать надо вот так. – Она показывает. – А то вы похожи на городского старпёра, который не может залезть на лошадь без стремянки.

Она возвращает ему шляпу. Бигенд нахлобучивает ее, отклоняется назад, смотрит из-под полей:

– Спасибо.

Кейс поворачивается в сторону города:

– А теперь везите меня домой. Я устала.

* * *

Перед дверью квартиры она встает на цыпочки и убеждается, что черный волосок марки «Кейс Поллард», наклеенный на дверную щель посредством плевка той же марки, никуда не делся. Потом находит в папке пудреницу, которой почти никогда не пользуется. Пальцы по пути задевают холодную сталь киберцилиндра. Опустившись на колени, она подставляет зеркальце и видит nepотревоженный слой пудры на нижней половине дверной ручки.

Спасибо, мистер Бонд!

8

Водяной знак

Убедившись, что остальные, внутренние ловушки тоже не сработали, Кейс будит компьютер и проверяет почту.

Два письма: от Дэмиена и от Капюшончика.

Она начинает с Дэмиена.

Привет из оттаявшего сердца сталинградских¹⁴ болот – от вороны, все еще не утратившей белизны, несмотря на комариные укусы и недельную щетину! Чтобы слиться с местной стаей, надо пить так, как я еще не скоро научусь. Место для съемок здесь просто улетное. Не помню, успел ли рассказать тебе перед отъездом: тема моего фильма – черная археология. Это такой постсоветский летний ритуал. Каждый год в гнилые комариные леса съезжается долбанутая русская молодежь с лопатами. Едут со всей страны, но больше всего из Ленинграда. Во время войны здесь была одна из самых жестоких, грандиозных и продолжительных битв. Все изрезано окопами, линия фронта многократно перемещалась взад-вперед, поэтому останки залегают слоями. Когда начинаешь копать, натыкаешься сначала на немецкий слой, потом идет русский, потом опять немецкий. В основном, конечно, кости: темно-серые обломки, плавающие в илистой липкой грязи, которая зимой замерзает, как камень. Грязь, если я правильно понял, анаэробная. Мясо, конечно, сгнивает (и слава богу), однако кости и предметы сохраняются идеально, и это привлекает черных археологов. Часы, ордена, оружие всех видов. Вчера один парнишка откопал нераспечатанную бутылку водки. Правда, пить ее не стали, испугались, что может быть отравлена. Визуально – просто нет слов! Пьяные бритоголовые копатели, пирамиды серых костей, вещи, которые они извлекают из-под земли... Хотя работать очень непросто. С одной стороны, мы должны постоянно пить, иначе нас побьют и изгонят как чужаков. Такая здесь атмосфера. С другой стороны, нужна относительная трезвость ума, чтобы удерживать в руках камеру и не забывать менять батарейки. Поэтому я так долго не писал. Работа, водка, работа, водка... И так 24 часа в сутки. Поначалу я думал, что это будет разведывательная поездка, а по-настоящему снимать начнем следующим летом. Теперь мне ясно, что это чушь. Во-первых, такой уровень безумия вряд ли повторится – даже здесь, в России. Второй раз в эту речку уже не войти. А во-вторых, если я отсюда уеду, то уже никогда не вернусь, ни за какие коврижки. Мик (наш ирландский оператор) подхватил хронический кашель. Боятся, что это резистентная форма туберкулеза. Другой оператор, малютка Брайан, в порядке культурного обмена напился с копателями в дрова, после чего уснул в канаве. А проснувшись, обнаружил на плече огромную свежевыватуированную паутину, аутентично-тюремную и выколотую, судя по всему, при помощи ржавого гвоздя. Другой бы на его месте заработал нервный срыв, но Брайан австралиец, рост два метра, этим его не проймешь. Умывшись, он пошел разбираться, разыскал злосчастного художника и сломал ему челюсть. Теперь опухоль на

¹⁴ Так у автора. Вероятно, имеются в виду болота под Ленинградом, поскольку в степях под Сталинградом болот практически нет.

плече спала, а Брайан ходит в полосатой безрукавке, пользуясь неоспоримым и всеобщим уважением. Мы с ним считаем, что Мик просто нытик и баба и никакого туберкулеза у него нет. Правда, близко к нему не подходим – на всякий случай. А что у тебя? Как дела? Поливаешь мои цветы и кормишь рыбок? Не обижают тебя рекламные онанисты из Сохо? Я сейчас отдал бы левую ступню за пять минут в горячем душе. Думаю, у меня завелись лобковые вши – и это после того, как я обрил голову, чтобы не подцепить каких-нибудь паразитов! Малютка Брайан каждый раз перед сном покрывает себе яйца бесцветным лаком для ногтей. Утверждает, что это отпугивает насекомых. Но я-то знаю правду! Ему просто нравится это делать, потому что он скрытый гомик и эстетствующий мазохист.

Ладно, целую. До скорого! Дэмиен.

Р. S. Если кто еще не понял: я от поездки в полном восторге!!! Никогда в жизни не был так счастлив.

Кейс открывает письмо Капюшончика.

Пока народ истекает слюнями по поводу «поцелуя», как впоследствии несомненно назовут № 135, мы с Мусаси рванули в пампасы. Не знаю, следишь ли ты за Ф: Ф:Ф в промежутках между попытками заработать денежку на то, что некоторые самоуверенно называют «жизнь», но форум буквально сошел с ума из-за номера 135, причем помешательство, судя по всему, затяжное. Ты уже слышала про Си-эн-эн?

Нет, она ничего не слышала.

Сообщаю – на тот случай, если ты была в коме (счастливица): вчера они показали слегка сокращенную запись 135-го в вечернем выпуске, и теперь все сайты планеты наводнены мычащими стадами замороженных новичков-фрагментщиков.

Кейс делает паузу, чтобы это переварить. Если номер 135 показали вчера по Си-эн-эн, то Бигенд не мог об этом не знать. Однако он ни словом не обмолвился. Почему? Возможно, хотел, чтобы она обнаружила сама, уже после разговора. Надеялся, что проявление столь глобального интереса к фрагментам склонит чашу весов в пользу его предложения? Если так, то она вынуждена признать: он не ошибся в расчетах. При одной мысли, что фотография таинственного автора будет напечатана во всех газетах, ее передергивает.

В силу этой, а также ряда других причин я временно забросил Ф: Ф:Ф, превратившийся за последние два дня в исключительно зловонное место благодаря псевдофилософским миазмам толстухи М. А., и прицепился по интернету к сэнсэю Деррилу на предмет дальнейшего изучения кандзи, начатого мною во время недавнего визита в Калифорнию.

Деррил, он же Мусаси, – калифорнийский фрагментщик, свободно говорящий по-японски. Японские сайты, посвященные фрагментам, – предмет пристального и восхищенного интереса Капюшончика. Используя Мусаси в качестве переводчика, он периодически отправляется туда на разведку, всякий раз публикуя результаты своих рейдов на Ф: Ф:Ф. Кейс поначалу тоже пробовала пройти по некоторым адресам, но скоро поняла, что это пустая трата времени. На компьютерах, не поддерживающих японскую кодировку, текст превращался в набор спецсимволов, слишком похожий на изображение нецензурщины в старых комиксах – безудержный выплеск апоплексической ярости.

Незадолго до моего отъезда мы с Деррилом погрузились в загадочные глубины одного из форумов на региональном сервере Осаки и обнаружили ссылку на весьма любопытный факт: японские коллеги несколько раз упомянули, что на фрагменте № 78 удалось якобы обнаружить цифровой водяной знак. Промежуточные этапы этого удивительного открытия я опускаю (они тщательно заархивированы на тот случай, если тебе придет охота их просмаковать).

Кейс знает о цифровых водяных знаках лишь понаслышке. До сих пор никто не употреблял этот термин применительно к фрагментам. Что это значит – поставить водяной знак на видеоклип?

Но сейчас уже не вызывает сомнения: номер 78 действительно помечен цифровым водяным знаком! Значит ли это, что остальные фрагменты тоже помечены? Этого мы, к сожалению, не знаем. Зато нам известно, что для нанесения водяного знака использовалась технология под каббалистическим названием «стеганография». Считаю нужным подчеркнуть – на случай, если ты ушибла голову и утратила способность понимать очевидные вещи, – что это самый грандиозный прорыв с момента появления в Сети первого фрагмента. И свершился этот прорыв только благодаря стальной настойчивости и остроумию твоего покорного слуги. Я мог бы еще упомянуть скромный вклад Мусаси-сана, но прежде мы с ним должны разобраться с фрагментами полупереваренной пищи, которыми этот нетрезвый свинтус заплывал одну из моих лучших футболок во время последнего очного диспута.

Кейс отворачивается от экрана. Не спеша отхлебывает чай. Сегодняшний день и так уже можно назвать одним из самых странных за последнее время, но то, о чем она собирается прочесть, может стать одним из поворотных моментов всей ее жизни. Капюшончик не шутит с такими вещами. Тайна происхождения фрагментов важнее, чем все бигенды, «синие муравьи» и доротеи, вместе взятые. Важнее даже, чем карьера. Кейс не может понять причину, однако твердо знает, что это так. Всепоглощающая страсть, которая объединяет их всех: Капюшончика, Айви, других истинных фрагментчиков. Объяснить это нельзя, можно только почувствовать.

Стеганография – способ спрятать информацию, перемешав ее с другой информацией. Вот все, что я пока знаю. Но вернемся к нашему открытию. Вынырнув из шепелявых бездн кандзи и почувствовав под ногами твердь родного английского, мы с Мусаси какое-то время задумчиво рассматривали наш трофей, странное слово, которое я поначалу принял за артефакт небрежного перевода. План действий родился у меня уже по возвращении в Чикаго – и мы с Деррилом сразу же принялись за его воплощение. Мы создали виртуальную японскую личность по имени Кейко, которая начала постить на форуме в Осаке. Очень мило, очень дружелюбно. Разумеется, по-японски. Никакой пошлости и дешевых секс-приманок. Кейко, правда, выходит в Сеть через калифорнийского провайдера, но лишь потому, что она изучает английский в Сан-Франциско. Не прошло и двух дней, как некто Такаюти начал робко клевать с нашей ладошки. Этот Таки, как он попросил себя величать, вхож в одну из отаку-тусовок¹⁵ с претенциозным названием «Мистика», хотя ее членам запрещено упоминать это имя всуе.

¹⁵ Отаку – фанатик чего-либо, например аниме (яп.).

Таки утверждает, что хакеры секты сумели обнаружить водяной знак на номере 78. Знак, говорит Таки, представляет собой некий номер, который ему каким-то образом удалось узнать. Более того, сей пылкий юнец, движимый желанием запустить потную руку под нашу клетчатую мини-юбочку, описанную нами во всех подробностях, пообещал поделиться этим номером на первом же свидании, как только мы вернемся в Токио. Я, конечно, горжусь бесспорной славой первооткрывателя столь важного, хотя и не до конца проверенного факта (часть этой славы по праву принадлежит моему верному пиццеизрыгающему переводчику). Мамуля Анархия обгадит панталоны ядовито-зеленой завистью, если я расскажу на Ф: Ф:Ф о нашем открытии. Но стоит ли рассказывать? Ведь непонятно, что делать дальше. Осмотрительный Таки (кстати, он прислал свое фото: просто кончить и умереть) соглашается сообщить номер только при личном контакте. Это единственное, в чем он абсолютно непреклонен, хотя во всем остальном охотно подставляет уши под нашу лапшу. Поразительный образчик избирательной ушлости!

На сим позволю себе поставить точку. Искренне раздосадованный,
Капюшончик.

Р. С. Подскажи, что делать! Друг ты или кто?

Кейс какое-то время сидит неподвижно. Затем встает, проверяет дверь и окна и трогает ключи на шее.

В ванной она открывает воду, умывается, чистит зубы.

Отражение в зеркале, на фоне белой кафельной плитки. Как фотография, вырезанная из журнала и наклеенная на клетчатую бумагу. Причем вырезанная небрежно.

Наплывают картинки, спровоцированные письмом Дэмиена. Пирамиды костей. Семнадцать этажей смятого, перекрученного железа. Запах гари. Пепел. Горький привкус в горле.

Но сейчас она здесь, в подозрительной квартире, куда недавно проникли какие-то злодеи. Доротея в роли промышленной шпионки?.. Женщина в зеркале качает головой, губы измазаны зубной пастой. Гидрофобия.

Как там Бигенд говорит? Утро вечера мудренее? Что ж, придется выяснить.

Кейс складывает и убирает жесткий парус серебристого покрывальника. Меняет его на серое пуховое одеяло, найденное в шкафу.

– Он получил уткой в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Вечерняя молитва в темноте.

Закрыв глаза, она пытается представить себе водяной знак. Призрачный символ в уголке ее существования; постоянно присутствующий ярлык – невидимый, неосязаемый, помечающий ее принадлежность... чему?

9

Транс

Ее будит солнечный свет, бьющий в окна.

Квадраты неба, декорированные облаками.

Потянуться под одеялом. Зевнуть. Вспомнить о поджидающих проблемах.

Ладно, пусть подождут. Сначала нужно встать, выбраться на улицу и спокойно позавтракать.

Десятиминутная готовность. Хирургический душ, джинсы, футболка. Кейс выходит, запирает дверь и проделывает ритуал Джеймса Бонда: черный волос и плевков, пахнущий мятой. Заговор от злых сил.

Вниз по Паркуэй, потом по короткой, в один квартал, торговой улочке под названием Инвернесс-стрит. Там есть французское кафе, где они с Дэмиеном однажды завтракали.

Мимо витрин, столбов и телефонных будок, оклеенных бумажными объявлениями, среди которых можно не искать стоп-кадры из «поцелуя».

А вот и кафе. Псевдофранцузское, но с настоящими французскими официантами. Подростки с материка, дешевая рабочая сила.

Первое, что она видит, войдя в кафе, – это Войтек, сидящий за одним столиком с легендарным Билли Прионом, бывшим солистом группы под названием «Коровье бешенство».

Кейс нравится следить за динамикой зазеркальных поп-звезд. Интерес представляют не личности, а судьбы – сжатые, квантово-неуловимые, словно элементарные частицы, существование которых можно доказать только постфактум, по следам на специальных чувствительных пластинах в заброшенных соляных шахтах.

След, оставленный Билли Прионом, – левая нижняя сторона его лица, которую он специально обездвигивал ботоксом перед выходом на сцену. Марго как раз слушала курс «Болезнь как метафора» в Нью-Йоркском университете, и Кейс предложила ей взять парализованный рот Билли темой для реферата. Марго отказалась, потому что уже выбрала болезнь под названием «Бигенд» и дело было лишь за подходящей метафорой.

Все эти годы Кейс краем глаза следила за карьерой Билли. Группа «Коровье бешенство» быстро распалась, а сам он пережил бурный роман с финской певичкой, которая назвала свою группу «Велькро Китти», в пику закону о торговых марках, тем самым заработав себе кучу неприятностей.¹⁶

Проходя мимо их столика, Кейс видит, что Войтек разложил поверх посуды многочисленные перфорированные блокноты, испещренные красными письменами. Диаграммы, квадраты, соединенные стрелками. Судя по линии рта Билли Приона, косметический нейротоксин уже давно выдохся: если бы он сейчас улыбнулся, его лицо выглядело бы симметрично. Войтек что-то сосредоточенно объясняет, морща лоб от напряжения.

Раздраженная официантка с красными воспаленными глазами и ярко покрашенным ртом тычет ей в лицо меню и машет рукой в сторону свободного столика у задней стены. Кейс садится, отодвигает меню и старательно, на ломаном французском, заказывает кофе и яичницу с колбасками.

Официантка смотрит на нее с изумленным отвращением, как на кошку, отрыгнувшую комок шерсти.

– Ну и черт с тобой, будь французенкой, – цедит Кейс в удаляющуюся спину.

¹⁶ «Велькро» – запатентованное название застежки-липучки. *Hello Kitty* – название японской фирмы.

Однако кофе появляется на удивление быстро, и вкус у него замечательный. То же можно сказать и о яичнице. Закончив завтрак, Кейс поднимает голову и видит, что Войтек ее пристально разглядывает. Билли Приона нигде не видно.

– Кейси! – окликает Войтек, неправильно вспомнив имя.

– Это был Билли Прион, да?

– Можно присоединиться?

– Пожалуйста.

Войтек начинает собирать свои блокноты: аккуратно закрывает, засовывает в сумку по одному. Потом подходит и садится за столик Кейс.

– Так Билли Прион – твой друг?

– Владелец галереи. Мне нужно место, чтобы выставить проект «Зет-икс восемьдесят один».

– А проект закончен?

– Нет, еще собираю компьютеры.

– Сколько же тебе надо?

– Очень много. И еще нужен спонсор.

– Значит, Билли Прион – потенциальный спонсор?

– Нет. Вы работать большая корпорация? Они не хотят услышать про мой проект?

– Я свободный художник.

– Но здесь по работе?

– Да, контракт с рекламным агентством.

Войтек поправляет сумку на плече.

– Не «Саатчи»?

– Нет. Войтек, ты знаешь что-нибудь о цифровых водяных знаках?

Он кивает:

– Да. Что?

– Такая вещь, как стеганография.

– Угу.

– Что это значит: на цифровой видеоклип нанесен водяной знак? Какой-то номер?

– Он видимый?

– Нет, скорее скрытый. По крайней мере, изначально.

– Это называется стеганография – когда номер прячут. Многозначный номер?

– Скорее всего.

– Значит, это код. Клиент получает код от фирмы, фирма-специалист делает водяные знаки. Фирма дает код и средства, чтобы спрятать. Это стеганография. Клиент потом проверяет интернет, ищет свой код. Если видео украл пират, то поиск принесет успех.

– То есть по водяным знакам можно отслеживать динамику распространения видеоклипов?

Войтек кивает.

– Кто этим занимается, кто ставит водяные знаки?

– Есть многие фирмы.

– А можно по знаку определить, какая фирма его поставила?

– Клиенту не понравится такое. Проблема – безопасность.

– Может ли кто-нибудь обнаружить водяной знак, прочитать его? Не зная кода, не зная, кто его поставил? Не зная даже, есть ли этот знак?

Войтек несколько секунд думает, потом отвечает:

– Трудно, но сделать можно. Хоббс знает про эти вещи.

– Кто такой Хоббс?

– Вы встречались. Человек с «Куртами».

Кейс вспоминает злобное, беккетовское лицо, грязные ногти.

– Интересно. А откуда он знает?

– Математика. Тринити-колледж, Кембридж, потом работа на Америка, сотрудник АНБ.¹⁷ Очень-очень сложный.

– Что, работа?

– Нет, человек. Хоббс.

* * *

Утро солнечное, «крестовый поход детей» бурлит всюду.

Кейс стоит на Инвернесс-стрит рядом с Войтеком, глядя на бескрайний людской поток. В ярком солнечном свете запыленные фигуры действительно кажутся средневековыми; только идут не на Вифлеем, а в сторону Кэмденского шлюза.

Войтек нацепил на нос круглые черные очки, которые делают его похожим на покойника с монетками на глазах.

– Я должен встретить Магду.

– Кто она?

– Сестра. Продает шапки возле Кэмденского шлюза. Пойдем!

Войтек ныряет в поток «юных крестоносцев», увлекает Кейс за собой.

– Субботу торгует в Портобелло, на барахолка. Воскресенье здесь.

Кейс идет за ним, думая о водяных знаках, о вопросах, которые нужно задать.

Утреннее солнце действует умиротворяюще. Они незаметно доходят до шлюза, окруженные топотом молодых ног, которые обеспечивают производителям кроссовок миллиардные доходы.

Войтек рассказывает, что помимо продажи шапок Магда иногда занимается рекламой, но Кейс не может взять в толк, что именно она делает.

Рынок разбит за шлюзом, в лабиринте кирпичных викторианских строений. Склады и подземные конюшни, где держали лошадей, тащивших баржи по каналу. Кейс все еще путается в этом лабиринте, хотя бывала здесь много раз. Войтек ведет ее мимо ларьков, завешанных одеждой с покойников, мимо старых киноафиш, стопок грампластинок, русских будильников, высушенных пучков курительных трав.

В сумрачных недрах лабиринта, среди лава-ламп и неоновых светильников странных цветов, они наконец находят Магду, которая совершенно непохожа на своего брата, если не считать характерно высоких скул. Маленькая, симпатичная, крашенная хной, затянутая в обтекаемый корсет, должно быть переделанный из какой-нибудь летной амуниции. Магда бодро собирает товар, сворачивает стенд.

Войтек спрашивает что-то на их родном языке. Она отвечает, смеется.

– Говорит, французы покупают оптом, – переводит Войтек.

– А еще она сама хорошо говорит по-английски, – добавляет Магда, протягивая руку. – Меня зовут Магда.

– Кейс Поллард.

Они обмениваются рукопожатием.

– Кейси тоже работать в реклама.

– Ну, думаю, не так глупо, как я. Лучше не напоминай мне. – Магда заворачивает очередную шапочку в тряпицу и укладывает в картонную коробку.

¹⁷ Агентство национальной безопасности США.

Кейс начинает ей помогать. Именно такие шапочки она могла бы покупать, если бы вообще носила шапочки. Серые и черные, вязанные крючком или сшитые из промышленного фетра, без наклеек и ярлычков, без привязки ко времени.

– Симпатичные шапочки.

– Спасибо!

– Подрабатываете в рекламе?

– С деловым видом хожу по барам, по ночным клубам, знакомлюсь с людьми. В разговоре как бы невзначай упоминаю продукт моего клиента. Разумеется, с хорошей стороны. Моя главная задача – привлечь внимание. Я только недавно начала это делать, но уже так надоело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.